

BYZANTINA XRONIKA

ТОМОΣ ΤΡΙΤΟΣ

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦИЕЮ

В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля
Ординарнаго Академика. Пр.-Доп. Сиб. Университета.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

КОММlССИОННkРЪ:

С.-Петербургъ.
К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig.

| K. L. Ricker, Königsstr. 20.

О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ.

Вопросъ о греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ помимо своего общаго научнаго интереса особенно долженъ быть близокъ намъ, русскимъ. Между тѣмъ какъ на Западѣ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія труды кардинала Питры и вѣмецкаго ученаго Криста создали цѣлую эпоху въ развитіи этого вопроса и вызвали за границей обширную литературу и живую полемику, у насъ въ Россіи это важное научное событіе прошло какъ-то незамѣченіемъ; не появилось даже болѣе или менѣе полнаго отчета о сущности открытыхъ кардиналомъ Питрою ритмическихъ законовъ церковной поэзіи¹⁾. Благодаря такому молчанію объ этомъ русской ученой литературѣ, даже имя знаменитаго кардинала далеко не пользуется у насъ заслуженою извѣстностью. Мы какъ-бы даже забыли, что научные рукописныя сокровища нашихъ-же городовъ, Петербурга и Москвы, дали ученому кардиналу, посѣтившему Россію въ 1859 году, первоначальный ключь къ разгадкѣ этого труднаго и запутанного вопроса.

Въ своей статьѣ мы и хотимъ заняться этимъ малоизвѣстнымъ у насъ вопросомъ. Мы разсмотримъ сначала положеніе и развитіе его въ наукѣ, послѣ этого перейдемъ къ открытію кардинала Питры, затѣмъ къ главнымъ законамъ ритмической поэзіи церковныхъ пѣснопѣній и, наконецъ, познакомимся съ вопросомъ о происхожденіи выше упомянутыхъ ритмическихъ законовъ церковно-греческой поэзіи.

1) Въ 1876 году проф. Ловягинъ въ торжественномъ собраніи Петербургской Духовной Академіи произнесъ рѣчь «О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній» (Христіанское Чтеніе. 1876. I стр. 431—491); но эта рѣчь, которая касалась теорій кардинала Питры и Криста, была произнесена послѣ появленія только первого общаго труда Питры по греческой гимнографії и до появленія его знаменитаго *Spiriculum Solemnum*, где кардиналь подробно изложилъ главныя основанія своей теоріи.

I.

Историческое развитіе вопроса о формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній.

«Поэзіи въ собственномъ смыслѣ слова», говорить одинъ ученый, «византійцы не знали; она у нихъ никогда и не существовала. Всякіе скѣды поэтическаго настроенія, всякий вкусъ и пониманіе благороднаго искусства и простоты формъ отсутствовали въ греческомъ средневѣковъ, застывшемъ въ схоластицѣ»¹⁾). Такой безпощадный приговоръ одного изъ первѣйшихъ представителей классической науки можетъ быть объясненъ тѣмъ, что въ его время не были известны тѣ произведенія, которыя составляютъ настоящую оригиналную поэзію Византіи. Византійская литература обращала на себя вниманіе ученаго міра постольку, по скольку она имѣла отношеніе къ литературѣ древнихъ классиковъ; изъ византійской поэзіи присуществоенно занимались большими стихотворными романами, поэтическими описаниями памятниковъ, эпиграммами и дидактическими стихотвореніями. Между тѣмъ тѣ роды поэзіи, которые вышли изъ тайника новой оригиналной жизни христіанско-византійскаго народа, оставались въ сторонѣ; ими совершенно не занимались и не интересовались. Дѣйствительно, эта новая поэзія не скѣдовала образцамъ классической древности, не вносила въ изученіе послѣдней какихъ-либо новыхъ разъясненій и открытій, а шла и развивалась своею особою дорогою и тѣмъ доказала неосновательность мнѣнія тѣхъ, которые утверждали, будто-бы священный огонь поэзіи совершенно угасъ въ безжизненной, мертвой Византіи. Къ такимъ оригиналнымъ произведеніямъ византійской творческой силы принадлежитъ церковная и народная поэзія. Первая возникла изъ совершенно новыхъ принциповъ христіанской религії, подъ впечатлѣніемъ ея чудодѣйственныхъ побѣдъ, геройства и стойкости мучениковъ вѣры, подъ вліяніемъ ея высокихъ тайнъ. Вторая-же выросла изъ своеобразно сложившихся условій византійской народной жизни. Отличительнымъ признакомъ этихъ двухъ новыхъ родовъ поэзіи былъ полный разрывъ по формѣ и содержанію

1) Bernhardy. Grundriss der Griechischen Litteratur. Dritte Bearbeitung. II 2 (1880) S. 771.

съ греческой традиціей. Оба они считали недостойнымъ подражать древнимъ образцамъ; оба облекали новый предметъ въ новыя формы; оба были тѣсно связаны живымъ чувствомъ современаго народа; оба были кровь и духъ отъ крови и духа христіанскихъ ромеевъ¹⁾).

Изъ этихъ двухъ родовъ церковная поэзія далеко превосходить по достоинству поэзію народную. Изъ большого числа византійскихъ поэтическихъ произведеній только одна церковная поэзія представляеть изъ себя процессъ полнаго развитія съ совершенно ясными признаками періодовъ зарожденія, расцвѣта и упадка²⁾.

Занимаясь въ настоящей статьѣ вопросомъ о размѣрѣ византійской церковной поэзіи, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ размѣрахъ, которые встрѣчаются вообще въ поэтическихъ произведеніяхъ византійского времени.

За это время можно различать три главныхъ рода стихосложенія: 1) перешедшее изъ древности стихосложеніе на основаніи законовъ долготы и краткости слоговъ. Изъ многочисленныхъ размѣровъ классической литературы средневѣковые греки употребляли преимущественно ямбическій триметръ, рѣдко дактилическій гексаметръ, элегическій дистихонъ и анакреонтическій диметръ и триметръ. Но надо замѣтить, что эта основанная на долготѣ и краткости слоговъ поэзія была чужда живому, разговорному среднегреческому языку, гдѣ всякое различіе между долгими и краткими слогами уже исчезло. Поэтому такая поэзія всегда являлась въ Византіи чѣмъ-то механическимъ, искусственнымъ; она не могла пустить корней въ современномъ среднегреческомъ языкѣ, который выставилъ свой способъ стихосложенія, основанный на обычномъ удареніи словъ. 2) Ритмическая система. Эту систему создала церковная поэзія и почти исключительно она одна и примѣняла ее. Объ этомъ размѣрѣ, основанномъ на числѣ слоговъ и удареній, мы подробнѣе скажемъ ниже. 3) Политическая система. Политические стихи имѣютъ общее съ ритмическими въ томъ отношеніи, что они не подчиняются законамъ классического стихосложенія, основанного на долготѣ и краткости слоговъ, и отличительнымъ своимъ признакомъ имѣютъ непрерывное повтореніе совершенно одинаковыхъ по числу слоговъ стиховъ (*ποιημα κατὰ στίχου*). Политические стихи до X вѣка встрѣчаются въ Византіи до-

1) Krummbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1891. S. 292—293.

2) Krummbacher. op. cit. S. 293.

вольно рѣдко, такъ что эта система развилаась уже въ позднѣйшее время¹⁾.

Если бы византійская церковная поэзія слѣдовала древнимъ образцамъ, то она, чуждая по своей формѣ греческому народу, никогда не поднялась-бы до той высоты, которой она достигла благодаря новой формѣ. «Эта послѣдняя, отвѣчая народному языку и духу», говоритъ Крумбахеръ, «какъ-бы волшебною силою снова пробудила поэтическую силу грековъ и придала уже нѣмѣющему языку его прежнюю силу»²⁾.

Интересна судьба, постигшая ритмическую поэзію. Размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній ускользаетъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отъ вниманія европейскихъ ученыхъ, хотя на практикѣ греки въ своихъ пѣснопѣніяхъ всегда его придерживались. Эта неудача объяснить размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній объясняется тѣмъ, что ученые, стараясь разрѣшить этотъ вопросъ, подходили къ нему съ заранѣе опредѣленною цѣлью не выступать въ своихъ изслѣдованіяхъ за предѣлы греческой и римской классическихъ литературъ. Къ греческимъ пѣснопѣніямъ они хотѣли непремѣнно приложить какой-нибудь изъ классическихъ размѣровъ, которые являлись результатомъ извѣстнаго сочетанія краткихъ и долгихъ слоговъ, тогда какъ размѣръ духовной греческой поэзіи, какъ и размѣры большинства современныхъ народовъ, зависѣть отъ обычного ударенія словъ и числа слоговъ, рассматриваемыхъ независимо отъ ихъ долготы или краткости. Если-же смотрѣть на поэзію греческихъ пѣснопѣвцевъ съ точки зрѣнія классической метрики, то это свело-бы всю літургическую поэзію средневѣковыхъ грековъ къ тремъ ямбическими канонамъ Иоанна Дамаскина на праздники Рождества, Богоявленія и Троицы³⁾.

1) Подробнѣе о размѣрахъ въ Византіи см. Krummbacher. G. d. B. L. S. 300—303.

2) Krummbacher op. cit. S. 307. Главные труды по вопросу о церковныхъ пѣснопѣніяхъ слѣд.: I. B. Pitra «Hymnographie de l'eglise grecque». Rome. 1867. W. Christ et M. Paraniakas «Anthologia Graeca carminum Christianorum». Lipsiae. 1871. I. B. Pitra «Analecta Sacra spicilegio Solesmensi parata», t. I. Parisiis. 1876. Послѣ работъ Питры и Криста появились подробныя статьи объ ихъ результатахъ: Stevenson «L'hymnographie de l'eglise grecque» (Revue des questions historiques II (1876) 482—543). Jacobi «Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes» (Zeitschrift fur Kirchengeschichte, herausgeg. v. Brieger. 5 (1882) 177—250). Kupitoris «Περὶ τοῦ ῥῶθμοῦ ἐν τῇ ὑμιογραφίᾳ τῆς ἑλληνικῆς ἔκκλησίας» (Bulletin de Correspondance hellélique 2 (1878) 372—391). Послѣдняя статья есть собственно рефератъ по поводу статьи Стевенсона. О другихъ работахъ мы будемъ упоминать ниже при случаѣ.

3) Каноны эти см. у Migne. Patrologia Graeca. T. 96, p. 817—840. Christ et Paraniakas «Anthologia graeca carminum christianorum», p. 205—217. Болѣе исправно

Большинство ученыхъ за послѣднія три столѣтія пришло къ заключенію, что всѣ церковныя греческія пѣснопѣнія написаны прозой, хотя въ словахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей и проглядываетъ иногда желаніе видѣть въ пѣснопѣніяхъ стихи, а не прозу.

Ученѣйшій грекъ своего времени Левъ Алляцій (1586—1669), начальникъ Ватиканскаго архива, префектъ Ватиканской библіотеки, казалось, былъ призванъ разрѣшить загадку размѣра церковныхъ пѣснопѣній въ своей диссертациі «О пѣснопѣвцахъ» (*De melodis*), которая была имъ обѣщана, но, кажется, не написана. Если дѣйствительно она существовала, то потеря ея весьма ощутительна для науки. Фабрицій въ своей греческой библіотекѣ оплакиваетъ эту потерю¹⁾. Въ недавнее время кардиналъ Май, несмотря на тщательные, долгіе поиски, не нашелъ ни малѣшаго слѣда упомянутой диссертациі. Надо полагать, что она оставалась только въ проектѣ у знаменитаго эллениста. Въ своихъ двухъ специальныхъ диссертацияхъ о греческихъ церковныхъ книгахъ²⁾ Алляцій ни словомъ не упоминаетъ о размѣре греческихъ пѣснопѣвцевъ и тѣмъ показываетъ, что онъ произведенія ихъ не отличалъ отъ обычной прозаической формы³⁾.

Кардиналъ Бароній, повидимому, могъ нѣсколько освѣтить этотъ темный вопросъ. Приведя подъ 842 годомъ два канона на Праздникъ Православія, Бароній, или *Fed. Metius*, который переводилъ ему греческие тексты, замѣчаетъ, что въ рукописи этихъ каноновъ находится пунктуація, которая иногда идетъ совершенно въ разрѣзъ со смысломъ и которая, повидимому, служитъ для сохраненія извѣстнаго размѣра⁴⁾. Но даге этого замѣчанія Бароній не пошелъ.

Баварскій іезуїтъ Симонъ Вагнерекъ (*Simon Vagnerreck* или

каноны эти изданы проф. Никитинымъ по бумагамъ покойнаго академика А. К. Наука въ *Mélanges gréco-romains VI*, 199—223 = *Bulletin de l'Académie XXXVI*, р. 105—129.

1) *Fabricii-Harlesii. Bibliotheca Graeca*. 1808, t. XI, p. 448: desiderantur saepe promissa ab Allatio, sed nunquam edita opera... *De Melodis Graecorum*.

2) *De rebus ecclesiasticis Graecorum*. Rom. 1644. Paris. 1646.

3) *Pitra* «*Hymnographie de l'église grecque*», р. 3—4. Stevenson, op. cit. р. 489—490. О жизни и ученой дѣятельности Алляція см. Васильевскій «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи». Вып. I. СПБ. 1890, ст. 46—52. *Legrand Bibliographie hellénique*, t. III. Paris. 1896, p. 495—471. Краткій перечень ученыхъ мнѣній о формѣ церковныхъ пѣснопѣній, составленный на основаніи вышеизванной книги Питры, можно найти въ рѣчи проф. Ловягина «О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній» (Христіанское Чтеніе. 1876. I, с. 431—491).

4) *Baronii. Annales Ecclesiastici*, t. IX ed. Moguntiae MDCL, p. 1054... (*Hymnus*) *hac de causa ita est interpunctis distinctus pro servando rythmo, ut sententiae ipsae aliquando perversentur.*

Vangnereck) въ предисловіи къ своему сочиненію «*Pietas Mariana*¹⁾» говоритъ, что при внимательномъ чтеніи Миней онъ слышалъ какъ-бы голосъ неизвѣстной музы. Но желая найти въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ политические стихи, онъ потерпѣлъ неудачу и сдѣлалъ заключеніе, что всѣ оды, вошедшия въ составъ Миней, состоять изъ чистѣйшей прозы²⁾.

Товарищъ и соотечественникъ баварскаго іезуита, ингольштадтскій профессоръ Гретсеръ, жившій въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка въ своемъ сочиненіи «*De Sancta Crucis*», въ которое вошли многочисленныя сказанія о происхожденіи и исторіи крестнаго древа, пришелъ къ заключенію, что главный законъ гимнографіи—это произволъ³⁾. Болландистъ Папеброкъ видѣлъ въ канонахъ отсутствіе всякаго рода размѣра⁴⁾. Въ *Acta Sanctorum* вопросъ о размѣрѣ греческихъ пѣснопѣній на этомъ и остановился⁵⁾.

Ипполитъ Мараччи, составившій цѣлый томъ изъ отрывковъ пѣснопѣній св. Іосифа, и кардиналъ Кверини не сдѣлали больше своихъ предшественниковъ и видѣли въ пѣснопѣніяхъ одну лишь прозу⁶⁾.

Два бенедиктинца Dom Toustain и Dom Tassin, занимаясь приготовленіемъ къ изданію произведеній Феодора Студита, написали кардиналу Кверини длинное письмо, напечатанное въ 1744 году, где утверждали, что Тріодъ⁷⁾, какъ и другія церковныя греческія книги,

1) *Pietas Mariana. Monachii. 1647.*

2) Non ambigam Menaeorum innumeras odas, in quibus nullum jambi vestigium lucet, in suis omnibus strophis ex mera omnino prosa constare (*Pietas Mariana*, praeft. p. 32). См. Pitra, *Hymnographie de l'église grecque*, p. 4. Stevenson, op. cit., p. 488. Krumbacher, op. c. s. 331.

3) Lex potissima videtur esse hymnographi voluntas, praesertim si syllabarum modulos et quantitatem spectes. См. Pitra, op. cit., p. 5. Stevenson, p. 488. Krumbacher, p. 331.

4) Certe nulli poetico metro astrictos Graecorum canones potuisse non magna contentione animi ad certas litteras, in cuiusque strophac principio inveniendas, adstringi abeo, cui liberam esset strophas singulas, nullo inter se ordine connexas, a quacumque liberet voce ordiri, ipsi didicimus experiendo (*Acta Sanctorum Aprilis*, t. I, p. 268, въ предисловіи къ житію св. Іосифа Гимнографа 3 апр.).

5) См. Pitra, op. c., p. 5. Stevenson, p. 488.

6) Hipp. Maracci Mariale S. Iosephi hymnographi. Romae. 1661. С. Querini. Officium quadragesimale recognitum et castigatum. Romae. 1721. См. Pitra, op. c., p. 6—8.

7) Тріодью въ церковномъ обиходѣ называются двѣ богослужебныя книги, содержащія въ себѣ службы съ измѣняемыми молитвословіями для подвижныхъ дней годичного круга Богослуженія; въ числѣ молитвъ въ нихъ находятся трипѣнцы, т. е. неполные каноны, состоящіе не изъ 9 или 8 пѣсней, а изъ трехъ (трипѣнцы), изъ четырехъ (четырепѣнцы) и изъ двухъ (двупѣнцы). Отъ каноновъ-трипѣнцевъ тріодъ (*trιοδίον*) и получила свое название. Тріодей двѣ—постная и цвѣтная; первая

представляетъ изъ себя совершенно правильные классические стихи съ подражаніемъ древнимъ драматическимъ поэтамъ. Но авторы письма обѣщали больше, чѣмъ могли сдѣлать, и ихъ стараніе найти въ тропаряхъ размѣръ трагическихъ хоровъ и драматическихъ и лирическихъ греческихъ стиховъ осталось безуспѣшнымъ¹⁾. Знаменитый ученый доминиканецъ Жакъ Гоаръ (Goag, 1601—1653), близкій другъ Алляція и одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ парижскаго изданія византійцевъ, въ своемъ извѣстномъ греческомъ Молитвенникѣ (Евхологій), разсуждая о канонѣ, ирмосѣ и тропаряхъ²⁾, замѣтительно вѣрно отмѣтилъ одну особенность церковныхъ пѣснопѣній, легшую впослѣдствіи въ одно изъ двухъ главныхъ основаній теоріи кардинала Питры. Гоаръ говоритъ, что греки запоминаютъ твердо общія по словамъ и напѣву пѣснопѣнія и къ послѣднимъ, какъ къ образцамъ, примѣняютъ другія пѣснопѣнія, состоящія изъ одинакового съ ними числа слоговъ³⁾.

Ученикъ Алеманна, издателя Тайной Исторіи Прокопія, Франціскъ Аркудій, извѣстный впослѣдствіи своею дѣятельностью по укрѣплению унії въ Литовской Руси, куда его два раза посылали изъ Рима⁴⁾, и знаменитый Дюканжъ въ своемъ греческомъ гlos-

---

заключаетъ въ себѣ службы съ молитвословіями для подвижныхъ дней трехъ приготовительныхъ недѣль къ Великому посту, начиная съ воскресенія недѣли Мытаря и Фарисея и самого Великаго поста, вторая же для подвижныхъ дней, начиная днемъ Пасхи и кончая недѣлею Всѣхъ Святыхъ.

1) Pitra, op. c., p. 6—8.

2) Канономъ называется пѣснопѣніе, составленное по извѣстному правилу (*χαυόν*—правило) и состоящее изъ нѣсколькихъ пѣсень (*ῳδῶ*), именно изъ девяти или чаще восьми (вторая пѣснь обыкновенно выпускается). Каждая пѣснь содержитъ въ себѣ нѣсколько стиховъ, изъ которыхъ первый называется ирмосомъ (*ἱρμός*—связь); послѣдній служить образцомъ, или какъ бы связью для всѣхъ послѣдующихъ стиховъ. Объ ирмосѣ подробнѣе будетъ итти рѣчь ниже. Слѣдующіе стихи за ирмосомъ называются тропарями канона (*τροπάριον*); послѣднее слово происходить отъ греческаго *τρόπος*, которое на техническомъ музыкальномъ языкѣ древнихъ грековъ и позднѣйшихъ византійскихъ писателей означаетъ тоже, что *ходъ* и *голосъ*, *ходъ*, *строй пѣнія*, *глагъ*; *τροπάριον* есть уменьшительная форма отъ *τρόπος*.

3) Goag. *Euchologium sive Rituale Graecorum...* Paris. 1647; болѣе доступно венецианское изданіе, *editio secunda expurgata et accuratior.* 1780, которымъ мы и пользовались. *Communes ideo, et verbis et cantu, memoriae tenaciter infingunt Hymnos, ad quorum nomen alias pari syllabarum numero constantes cantando inflectunt...* (Euch., p. 351). Питра не отмѣтилъ этого мѣста въ своей работѣ, замѣтивъ только, что Гоаръ придерживается Алляція (Hymn., p. 8). Ср. Ловягинъ въ Христ. Чт. 1876, стр. 451—452.

4) Объ Аркудіи см. Fabricii-Harlesii. *Bibliotheca Graeca.* 1808, t. XI, p. 448—450. Legrand. *Bibliographie hellénique,* t. III, 1895, p. 232—238. У Аркудія нашего вопроса касается сочиненіе *De concordia ecclesiae occidentalis et orientalis.* Libri VII.

сарії¹⁾ ничего нового не прибавили по интересующему насъ вопросу; они придерживались мнѣнія Гоара и Алляція.

Въ XIX столѣтіи вопросъ этотъ оставался прежнею загадкой. Ученые базиліанцы итальянского монастыря Гrottafferata издали въ формѣ прозы греческіе гимны на безпорочное зачатіе Дѣви Маріи²⁾. Извѣстный византологъ Тафель издалъ какъ прозаическій текстъ два канона Евстаѳія Солунскаго³⁾. Кардиналъ Май въ формѣ прозы издалъ нѣкоторые каноны Іоанна Дамаскина и Тріодъ, приписанную имъ св. Софонію⁴⁾.

Интересно, что даже послѣ появленія труда кардинала Питры, составившаго эпоху въ исторіи вопроса о размѣрѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній и доказавшаго, что послѣднія подчинялись законамъ особаго, оригинального стихосложенія, были люди, которые придерживались стараго мнѣнія. Князь Гагаринъ, уѣхавшій въ половинѣ нынѣшняго столѣтія за границу и тамъ принявшій католицизмъ, думаетъ, что греческіе пѣснопѣвцы писали въ прозѣ, при чемъ иронически добавляетъ, что стихи, подобные стихамъ пѣснопѣвцевъ, можно найти и въ офиціальной части *Moniteur'a*⁵⁾. Еще въ 1879 году ученый грекъ Саѳа (*Sathas*) считаетъ форму церковныхъ гимновъ за неразрѣшенную загадку⁶⁾. Въ томъ же году нашъ неутомимый па-

Paris. 1626. Подробнѣе объ этомъ сочиненіи см. у Legrand. *Bibl. hell.*, т. I. 1894 р. 205—216. Интересное посвященіе этой книги польскому королю Сигизмунду III, где встрѣчаются неоднократныя упоминанія о польско-русскихъ отношеніяхъ того времени, приведено цѣлкомъ въ латинскомъ подлинникѣ у Леграна (т. I, с. 206—211). О дѣятельности Аркудія въ Литовской Руси существуютъ и русскіе документы. См. Акты Зап. Россіи, IV, № № 141 и 155.

1) См. его *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. 1688. Vol. I, p. 356, 706.

2) *De immaculata Deiparae conceptione Hymnologia Graecorum*. Romae. 1862. См. Stevenson, p. 489.

3) *Eustathii Metropolitae Thessalonicensis opuscula edidit T. L. F. Tafel. Francof.* 1832, p. 36 sq.; 166 sq.

4) Mai «*Spicilegium Romanum*», т. IX, pp. XXI—XXII и 718—739; т. IV, pp. 126—225. Кардиналъ Май ошибся, считая авторомъ Тріоди св. Софонія. См. статью Паратники (*Paranikas*) «*Ueber das angebliche Triodium des h. Sophronius*» (*Sitzungsberichte der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften zu München*. 1870. II, с. 58—74), где авторъ доказываетъ, что напечатанная у кардинала Май тріодь принадлежить не св. Софонію, іерусалимскому патріарху VII вѣка, а одному изъ болѣе позднихъ пѣснопѣвцевъ и вѣроятнѣе всего пѣснопѣвцу IX вѣка св. Йосифу. (*Paranikas*, оп. с. §. 56, 78).

5) P. Gagarin. «*Etudes religieuses et littéraires des pères jésuites*». 1868, p. 341.

6) Sathas. «*Ιστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντίων*». 1879. σελ. ρυ': οὐδενός μέχρι τοῦδε δυνηθέντος νὰ μαντεύσῃ τὸ μέτρον ἢ τὸν παλαιὸν ῥυθμὸν αὐτῶν.

леографъ архимандритъ Амфилохій издалъ по рукописи московской синодальной библиотеки большое количество кондаковъ и икосовъ¹⁾, принадлежащихъ перу византійскихъ пѣснопѣвцевъ; но онъ ничего не говоритъ о размѣрахъ изданныхъ имъ пѣснопѣній и печатаетъ ихъ въ видѣ прозы²⁾. Даже въ 1889 году Перчъ (Pertsch) издалъ довольно много каноновъ, считая ихъ настоящею прозою³⁾.

Тѣмъ не менѣе, кромѣ Гоара, были люди, которые вѣрно угадывали главные законы греческой церковной метрики. Въ первой половинѣ нашего столѣтія грекъ Константинъ Икономось, разсуждая о политическихъ стихахъ, замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ греческихъ пѣснопѣніяхъ строфы состоять изъ стиховъ, которые различаются по ударенію и числу слоговъ⁴⁾. Такимъ образомъ здѣсь являются отмѣченными два основныхъ элемента греческой церковной метрики. Нѣсколько позднѣе известный составитель византійско-греческаго словаря Софоклісъ говоритъ, что тропари бывають или въ прозѣ, или въ стихахъ; послѣдніе состоять изъ ряда ритмическихъ, основанныхъ на удареніи стиховъ; въ древнихъ изданіяхъ, какъ и въ руко-

1) Кондакомъ называется обыкновенно краткое церковное пѣснопѣніе, заключающее въ себѣ краткое содержаніе праздника или жизни святаго. Икосъ же представляетъ изъ себя пѣснопѣніе гораздо болѣе обширное, чѣмъ кондакъ, и заключаетъ въ себѣ продолженіе описываемаго въ кондакѣ праздника или жизни святаго. Относительно происхожденія слова кондакъ (греч. κονδάκιον, κοντάκιον) ученые расходятся. Дюканъ производитъ его отъ слова κοντός, короткій, маленький (Glossar. Graec. v. I, p. 706). Различные объясненія этого слова см. у Питры. Anal. Sac. t. I, p. X—XI. Не менѣе загадочно происхожденіе слова икосъ (греч. οίχος—домъ). Можетъ быть, это слово заимствовано съ Востока. У евреевъ, арабовъ и сирійцевъ слово домъ обозначаетъ строу, стихотвореніе (Pitra, p. XI). Ср. у армянъ слово тунъ—домъ въ смыслѣ строфы (Эминъ. Шараканъ. Богослужебные каноны и пѣсни арм. вост. церкви. Москва. 1879, с. VIII), у итальянцевъ stanza (Diez. Wörterbuch der rom. Sprachen). См. обзъ этихъ словахъ также у Christ и Paranikas «Anthologia», p. LXVI—LXVII, гдѣ можно найти объясненія и другихъ видовъ церковныхъ пѣснопѣній (p. LIV—LXXIII).

2) Амфилохій. Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII вв. по рукописи Московской синодальной библиотеки № 437 съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ, какіе есть въ перевѣдѣ. Москва. 1879. См. суроый отзывъ объ этомъ изданіи у Крумбахера въ его Исторіи Визант. литер., стр. 309 и 330. Въ русской литературѣ на трудъ Амфилохія существуетъ подробная рецензія Мансветова (Прибавл. къ твореніямъ св. Отцевъ, изд. при Моск. духов. акад. 1880, кн. II, с. 482—503 и кн. IV, с. 1055—1069).

3) Blätter für Nummologie. 1889, № 2—4. См. Krummbacher, op. c. S. 991. О болѣе ранніхъ, менѣе значительныхъ писателяхъ по этому вопросу, разсужденія которыхъ не привели ни къ какимъ результатамъ, см. у Pitra «Nummographie de l'église grecque», p. 8—10.

4) Περὶ τῆς γυησίας προφορᾶς τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης. Βιβλίον συνταχθὲν ὑπὸ τοῦ οἰκονόμου Κωνσταντίου πρεσβυτέρου. Έν Πετροπόλει. 1880, p. 667—669.

писахъ, ихъ отмѣчаютъ точками¹⁾). Конечно, эти вѣрныя замѣчанія двухъ грековъ нужно было развить, обобщить, чего они не сдѣлали.

Въ русскихъ сочиненіяхъ по греческимъ пѣснопѣніямъ Флоринскаго и Филарета для вопроса о метрикѣ этихъ пѣснопѣній ничего нельзѧ найти²⁾). Профессоръ Ловягинъ во всѣхъ трехъ изданіяхъ своей книги «Богослужебные каноны», греческій текстъ которыхъ по большей части заимствованъ изъ венеціанского изданія богослужебныхъ книгъ, печатаетъ ихъ въ видѣ настоящей прозы. Относительно вѣшняго вида каноновъ профессоръ Ловягинъ говоритъ, что одни изъ нихъ писаны краснорѣчивою и искусно составленною прозою, а нѣкоторые и стихами³⁾), при чемъ надо замѣтить, что послѣднее относится только къ тремъ извѣстнымъ ямбическимъ канонамъ Иоанна Дамаскина.

Если громадное большинство ученыхъ считаетъ произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ чистѣйшею прозою, то интересно посмотретьъ, какъ сами средневѣковые греки смотрѣли на свои церковныя пѣснопѣнія. Извѣстный лексикографъ X вѣка Свида говоритъ объ Иоаннѣ Дамаскинѣ, что среди многочисленныхъ произведеній этого знаменитаго писателя, особенно философскихъ, встрѣчаются каноны, предначисленные для пѣнія: одни, написанные ямбическимъ размѣромъ, другіе—прозою⁴⁾). Здѣсь Свида, строго различая просодическую поэзію отъ поэзіи пѣснопѣвцевъ, сводить написанныя Иоанномъ Дамаскиннымъ ритмическая произведенія къ тремъ вышеупомянутымъ его канонамъ на Рождество, Богоявление и Троицу.

XI и XII вѣка были богаты комментаторами церковныхъ произ-

1) Sophocles. A Glossary of later and Byzantine greek. Cambridge. 1850, praf., p. 53. Надо замѣтить, что въ слѣдующихъ изданіяхъ своего словаря въ 1870 и 1888 годахъ уже подъ заглавіемъ Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods Софоклісъ отказывается отъ своего вѣрнаго опредѣленія и называетъ тропари обыкновенною или ритмическою прозою (р. 1096, изд. 1888 г.).

2) Флоринскій. Исторія богослужебныхъ пѣснопѣній Православной восточной церкви. Москва. 1860. См. стр. 41—42. Филаретъ Черн. Исторический обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. 2-е изд. съ дополненіями. Черниговъ. 1864.

3) Ловягинъ. Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. 1-е изд. въ 1855—1856 гг. 3-е изд. въ 1875 году. См. с. II—III и passim. Въ вышеназванной своей рѣчи Ловягинъ является ярымъ противникомъ теоріи Питры.

4) συγγράμματα αὐτοῦ πάνυ πολλὰ καὶ μάλιστα φιλόσοφα, εἰς τε θείαν γραφὴν παράλληλοι· κατ’ ἐκλογὴν, καὶ οἱ φιλοτεχνοὶ κανόνες· ἵαμβικοί τε καὶ καταλογάδην. (Suidas. Lexicon подъ словомъ Ἱωάννης Δαμασκηνός. ed. Bergkhardy, t. I, pars II, p. 1028—1029; ed. Bekkeri, p. 545).

веденій болѣе раннихъ авторовъ. Извѣстно, что еще Козьма Іерусалимскій въ VIII вѣкѣ и Никита Давидъ, епископъ въ Пафлагоніи въ IX вѣкѣ, приложили свои комментаріи къ труднѣйшимъ стихотвореніямъ Григорія Назіанзина. Въ XII вѣкѣ историкъ Зонара объяснялъ Воскресные каноны (*Ἀναστάσιοι κανόνες*) Иоанна Дамаскина; комментаторъ Гомера Евстаѳій Фессалоникскій подробно объяснялъ гимнъ на Троицу того-же Иоанна; поэтъ Феодоръ Продромъ и грамматикъ Григорій Коринескій оставили большіе ученые комментаріи къ канонамъ двухъ знаменитыхъ подвижниковъ монастыря св. Саввы — Иоанна Дамаскина и Козьмы Іерусалимскаго¹⁾). Такъ, Феодоръ Продромъ въ своихъ схоліяхъ на Рождественскій канонъ Иоанна Дамаскина, написанный, какъ извѣстно, древнимъ ямбическимъ размѣромъ, дѣлаетъ различіе между этимъ канономъ и канономъ Козьмы, говоря, что Иоаннъ, какъ-бы на лирѣ Орфея или киарѣ Димодока, воспѣваетъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, въ ямбахъ, праздникъ Рождества Христова, который передъ тѣмъ великий и божественный Козьма воспѣвъ хотя и въ прозѣ, но съ достоинствомъ и величіемъ²⁾). Григорій Коринескій, сравнивая два ямбическихъ канона Иоанна Дамаскина на Рождество и Богоявление съ соотвѣтствующими канонами Козьмы, говоритъ, что послѣдніе написаны прозою³⁾.

Итакъ, изъ приведенного свидѣтельства трехъ писателей византійскаго средневѣковья можно заключить, что они большую часть своихъ церковныхъ пѣснопѣній считали прозою. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что произведенія, написанныя, по свидѣтельству этихъ писателей, прозою, противополагаются ими произведеніямъ, написаннымъ древнимъ размѣромъ. Можетъ быть, для нихъ все, что отступало отъ древнихъ классическихъ образцовъ, было прозою. Можетъ быть, новый размѣръ церковныхъ пѣснопѣній, какъ

1) Комментаріи Евстаѳія и Зонары изданы у кардинала Май (Mai) *Spicilegium Romanum V* (1841) 2 р. 161—883. Комментаріи Феодора Продрома у Май S. R. V, р. 390—396; у Migne Patr. gr., t. 133, р. 1229—1236. Часть комментаріевъ Феодора издана съ предисловіемъ Питры ко дню папскаго юбилея въ 1888 году Стевенсономъ. *Theodori Prodromi commentarios in sarcina sacra melodorum Cosmae Hierosolymitani et Ioannis Damasceni... praeftatus est I. B. Pitra ed. Stevenson. Roma. 1888.* См. рецензію на послѣднюю книгу въ *Revue Critique*. 1889. I, р. 265—268.

2) Αὐτὴν τὴν Χριſτοῦ γενεθλίων πανήγυριν, ἣν προέμελφεν ὁ μέτας καὶ θεὸς Κοσμᾶς δύχα μέτρου, ἀξιωματικὸν δὲ καὶ ύψηλότατον, ἐμπέτρῳς καὶ δι' ιάζβῳ, μεταμέλπεται ὁ Δαμασκηνὸς ἀπὸ λύρας ὄρφικῆς, εἰπεν ἄν τις ἡ Δημοδόκου κίθαρις. (Stevenson въ *Revue des questions historiques*. 11 (1876), р. 491).

3) πεζῷ λόγῳ, τῷ ἀμέτρῳ δηλαδὴ, γεγραμμένοι... (Stevenson, op. c. p. 491).

всѣмъ и каждому въ средніе вѣка извѣстный, по мнѣнію тогданихъ писателей, вовсе и не нуждался въ комментаріяхъ. Что для средневѣковыхъ писателей являлось очевиднымъ, то для послѣдующихъ ученыхъ и изслѣдователей превратилось въ долго неразрѣшенную загадку¹⁾. Можно привести свидѣтельства средневѣковыхъ писателей, изъ которыхъ видно, что пѣснопѣнія должны были имѣть опредѣленный размѣръ и извѣстное количество слоговъ для сохраненія мелодіи (ирмоса) даннаго пѣснопѣнія. Объ этомъ говорить въ своихъ комментаріяхъ Зонара²⁾. Феодосій Александрійскій грамматикъ, открытый въ 1867 г. въ одномъ изъ Барберинскихъ кодексовъ кардиналомъ Питрою, говорить въ своихъ схоліяхъ, по всей вѣроятности, на грамматика Діонісія ѡракійскаго³⁾, что желающій составить канонъ долженъ сначала написать тропари, которые бы имѣли одинаковое число слоговъ и одинаковое удареніе съ ирмосомъ⁴⁾. Уже это одно такое значеніе ирмоса, или руководящаго мелодію пѣснопѣнія, ставить извѣстныя, весьма опредѣленныя границы произволу писателей. Очевидно, это не была проза, какъ ее понимаемъ мы.

Такія готовыя мелодіи сохранялись въ греческой церкви и служили образцами для послѣдующихъ пѣснопѣній до самаго позднѣшаго времени. Въ XIII вѣкѣ, напримѣръ, былъ составленъ большой канонъ въ честь Божіей Матери императоромъ Феодоромъ Ласкарисомъ, который буквально придерживался ирмосовъ, взятыхъ имъ у Козьмы и Иоанна Дамаскина. То же самое можно видѣть въ XIV в.

1) Ср. Stevenson въ *Revue des Questions Hist.* 11 (1876), p. 492—495.

2) См. опредѣленіе ирмоса Зонарой: ὁ μὲν εἰρμὸς ἀρμονία τίς ἔστι μέλους, ἐν συνέσει φωνῆς, ἐνάρθρῳ τε καὶ σημαντικῆς, ωρισμένῳ τινὶ μέτρῳ καὶ ποσῷ μεγέθους περιγραφομένῃ· ητις ἀρμονία πρωτισμένη τε καὶ προτυνωσμένη προϋπόκειται, πρὸς ἣν τὰ λεγόμενα τροπάρια ἀναρρέεται. Этотъ текстъ напечатанъ нѣсколько иначе у Mai, *Spiriclegium Romanum.*, t. V, 2, p. 384. Migne Patr. Gr., t. 135, p. 424. Christ «Hirmos in der byzant. Poesie» (*Sitzungsberichte der bayer. Akademie der Wiss.* 1870, II, S. 76). Pitra. *Analecta Sacra. Proleg.*, p. XLVII—XLVIII. У Питры приложенъ латинскій переводъ этого труднаго мѣста.

3) См. Stevenson. 504.

4) οἵον ἔαν τις θέλῃ ποιῆσαι κανόνα, πρῶτον δεῖ μελίσαι τὸν εἱρμὸν, εἴτα ἐπαγαγεῖν τὰ τροπάρια ἵσοσυλλαβοῦντα καὶ ὅμοτονοῦντα τῷ εἱρμῷ, καὶ τὸν σκοπὸν ἀποσύζοντα. См. Pitra. *Anal. Sacra. Prol.*, p. XLVII. Его же *Hymnographie de l'église grecque*, p. 31—32. Stevenson, p. 504—505. Christ. *Sitzungsber. d. bayer. Ak. d. W.* 1870, II, S. 100. Питра переводить это опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: si quelqu'un peut faire un canon, qu'il fixe d'abord le mode de l'hirmus, qu'ensuite il dispose les tropaires en conformant à l'hirmus le nombre des syllabes et le mode musical, et qu'il atteigne ainsi son but (*Hymn. de l'égl. gr.* 31—32).

въ канонѣ патріарха Филоея († 1379) на службу въ честь Григорія Паламы¹⁾.

Наконецъ, когда въ 1869 г. греческая церковь причислила къ лику святыхъ патріарха Фотія (6 февраля) и Марка Эфесскаго (19 января), въ честь ихъ было составлено два новыхъ тропаря по образцу извѣстныхъ пѣснопѣній Романа Сладкопѣвца и Сергія²⁾.

Конечно, это было только инстинктивное подражаніе древнимъ пѣснопѣніямъ. И новѣйшему составителю тропарей въ честь Фотія и Марка Эфесскаго указаніемъ служилъ, по всей вѣроятности, одинъ только слухъ. Современные греки могутъ прекрасно спѣть главнѣйшія мелодіи своихъ церковныхъ пѣсенъ, но будуть въ затрудненіи отвѣтить, подчиняются ли они какимъ-нибудь опредѣленнымъ законамъ метрики.

Разрѣшить эту многовѣковую загадку, указать на существованіе цѣлаго новаго міра невѣдомой поэзіи выпало на долю неустаннаго труженика на пользу науки, знаменитаго кардинала Питры.

Уже во время печатанія нашей работы мы имѣли возможность познакомиться съ недавно вышедшей статьей Мейера «Pitra, Mone und die byzantinische Strophik»³⁾, гдѣ авторъ считаетъ первымъ изслѣдователемъ формы греческихъ церковныхъ пѣснопѣній не Питру, а Моне (Mone); послѣдній за четырнадцать лѣтъ до Питры излѣдовавъ и разгадавъ секретъ византійскихъ пѣснопѣній. Занимаясь средневѣковою латинской поэзіей и секвенціями, Mone въ своемъ главномъ труде «Lateinische Hymnen des Mittelalters» (3 тома, въ 1853, 1854 и 1855 гг.) за разрѣшеніемъ вопроса объ ихъ построеніи обратился къ греческимъ церковнымъ текстамъ и имѣль въ мысляхъ написать даже исторію христіанской гимнологіи, чего впрочемъ не исполнилъ. Въ своихъ же примѣчаніяхъ къ латинскимъ гимнамъ онъ заявляетъ, что до сихъ поръ секвенціи издавались въ видѣ прозы потому, что въ наукѣ не знали ни объ ихъ происхожденіи отъ греческихъ тропарей, ни о ритмѣ этихъ греческихъ пѣснопѣній, основанномъ на удареніи. Такимъ образомъ, Моне дѣйствительно нашелъ, что греческіе тропари представляютъ изъ себя не прозу и что ударе-

1) Stevenson, p. 500—501. Здѣсь приведены еще нѣкоторые примѣры.

2) Pitra. An. S. Prol., p. XLIX. Stevenson, p. 501. У Питры приведенъ текстъ обоихъ тропарей.

3) Напечатано въ *Sitzungsberichte der philos.-philolog. und der hist. Classe der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften zu München*. 1896. Heft I, S. 49—66.

ніе играетъ главную роль въ построеніи строфъ греческихъ пѣснопѣній. Но въ своей книгѣ о латинскихъ гимнахъ онъ только попутно, кратко говорить объ этомъ; во всей же полнотѣ развить свое открытие онъ хотѣлъ въ особомъ труде, который, какъ мы видѣли, не былъ изданъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, за Питрой все-таки остается слава ученаго, который самостоителъно открылъ форму византійскихъ пѣснопѣній и первый подробно, систематически изложилъ результаты своихъ изслѣдованій, что хотѣлъ сдѣлать и не сдѣлалъ Моне.

II.

Питра и его открытие.

Іоаннъ-Баптистъ Франсуа Питра родился 1 августа 1812 года въ Champforgeuil, небольшомъ приходѣ епархіи Autun, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Шалона на Сонѣ¹⁾). Предки Питры, эмигрировавшиye изъ Италии во Францію, поселились въ Ліонѣ. Отецъ Питры занималъ скромное мѣсто сборщика податей. Желая дать своему сыну по возможности хорошее образованіе, родители Питры отдали мальчика на попеченіе его дяди г. Vaffier, довольно просвѣщенного членовѣка, жившаго въ небольшомъ городѣ Cuisery. Дядя скоро замѣтилъ необыкновенные способности своего племянника, который поступилъ въ 1825 году въ небольшую семинарію города Autun, где сталъ скоро всѣхъ удивлять своею памятью, неустаннымъ прилежаніемъ и живымъ, воспріимчивымъ умомъ. Съ переходомъ въ большую семинарію, въ библіотекѣ которой хранилось много драгоценныхъ рукописей, молодой Питра началъ свои первыя занятія палеографіей, доставившія ему впослѣдствіи неувядаемую славу.

1) По случаю послѣдовавшей въ 1889 г. кончины кардинала Питры появилось нѣсколько трудовъ, посвященныхъ его памяти; изъ нихъ наиболѣе выдаются два труда: Cabrol «Histoire du Cardinal Pitra». Paris. 1893 и Battandier «Le Cardinal Jean-Baptiste Pitra, évêque de Porto, bibliothécaire de la Sainte église». Paris. 1893. Сюда же можно отнести статью вышеупомянутаго Каброля «L'Hymnographie de l'église grecque», появившуюся въ Revue des facultés catholiques de l'Ouest. 2-те année. № 3, Février. 1893, p. 334—355. Статья эта, послужившая Кабролю вступительной лекціей въ читанный имъ въ Анжерѣ курсъ исторіи церкви и патристики, цѣлкомъ помѣщена въ XV и XVII-й главахъ его вышеупомянутаго сочиненія о кардиналѣ Питрѣ. Этими тремя трудами мы и пользовались при составленіи биографическаго очерка кардинала Питры.

Чувствуя влечение къ духовной карьерѣ, онъ прошелъ степени иподіакона, діакона и, наконецъ, въ декабрѣ 1836 года принялъ посвященіе въ санъ священника. Еще въ 1835 году Питра получилъ мѣсто профессора исторіи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и риторики въ семинаріи города Autun и, кромѣ того, находилъ еще время читать своимъ слушателямъ лекціи по Священной литературѣ (*littérature sacrée*). Занятіе Питры св. Легерiemъ, жившимъ во времена Меровинговъ, понудило его въ вакаціонное время 1838 года сдѣлать поѣздку въ Парижъ, где онъ нѣкоторое время занимался въ королевской библіотекѣ, которая произвела на молодого ученаго громадное впечатлѣніе. Но что сдѣлало имя Питры сразу извѣстнымъ, это прочтение имъ случайно найденной въ 1839 году недалеко отъ города Autun греческой надписи, относящейся къ III вѣку христіанской эры. Этюю надписью стали заниматься не только во Франціи, но и за границей.

Въ это же время Питра задумалъ поступить въ монахи Бенедиктинскаго ордена. Съ этою цѣлью онъ обратился съ письмомъ къ Солесменскому аббату (*abbé de Solesmes*).

Solesmes, прежде небольшая настоятельская церковь, зависимая отъ аббатства La Couture du Mans, въ тридцатыхъ годахъ превратилась въ самостоятельное аббатство, и Проспер Геранже (*Prosper Guéranger*) назначенный аббатомъ, сталъ во главѣ бенедиктинцевъ французской конгрегаціи (*supérieur général des bénédictins de la congrégation de France*). Съ согласія епископа города Autun и Солесменскаго аббата, Питра оставилъ свою профессорскую дѣятельность и перѣѣхалъ въ Solesmes, где въ январѣ 1842 года вступилъ въ новиціатъ, а 10 февраля 1843 года, отказавшись отъ міра и всѣхъ его благъ и давъ обѣты монашества, торжественно вступилъ въ число членовъ Бенедиктинскаго ордена.

Около этого времени по совѣту парижскаго архіепископа, аббать Геранже пріобрѣлъ помѣщеніе въ Парижѣ въ предмѣстьѣ Сен-Жерменъ, где до французской революціи процвѣтало знаменитое аббатство S. Germain-des-Prés. Туда въ 1842 году изъ Solesmes и переселилась небольшая монашеская колонія. Въ слѣдующемъ году Питра былъ поставленъ во главѣ этого новаго, небольшого пріорства. Сдѣлавъ свое первое кратковременное путешествіе въ Англію (съ декабря 1844 по мартъ 1845 г.), онъ возвратился въ Парижъ, где принималъ дѣятельное участіе въ работахъ извѣстнаго аббата Миня (*Migne*), имя котораго стоить въ заголовкѣ двухъ извѣстныхъ патроло-

гій. Къ этому времени относится окончаніе его первого большого труда «*Histoire de Saint-Léger et de l'Eglise des Gaules au septième siècle*»¹⁾.

Съ этихъ порь начинаются почти безпрерывныя ученыя путешествія Питры. До 1848 года онъ былъ въ Эльзасѣ, Вогезахъ, Бельгії, Голландії и находилъ въ ихъ библіотекахъ и архивахъ обильную жатву неизданного матеріала. Послѣ февральской революціи, когда католическая церковь вздохнула свободнѣе, не чувствуя себя болѣе подъ гнетомъ правительства юльской монархіи, Питра въ 1849 году по порученію республиканского правительства предпринялъ съ ученою цѣлью новое семимѣсячное путешествіе въ Англію.

Результатомъ его изслѣдованій явились вышедшия послѣдовательно въ свѣтъ четыре тома «*Spicilegium Solesmense*», содержащіе въ себѣ массу новаго, неизданного историческаго матеріала²⁾.

Въ 1858 году случилось событие, имѣвшее громадное значеніе въ жизни Питры. Онъ былъ вызванъ папою Піемъ IX въ Римъ, при чёмъ папскій нунцій только сказалъ, что работа, которую папа собирается ему поручить, можетъ быть продолжительна. Въ Римѣ въ это время былъ сильно въ ходу вопросъ о соединеніи восточныхъ церквей съ римскою. Главнымъ инициаторомъ этого проекта былъ самъ представитель римской церкви папа Пій IX, съ первыхъ лѣтъ своего понтификата лелѣявшій мысль о такомъ соединеніи. Три статьи Питры, которыя имѣли своимъ предметомъ разсужденіе о каноническомъ правѣ греческой церкви³⁾, обратили вниманіе кардинала Антонелли и самого папы, что и побудило послѣдняго вызвать Питру въ Римъ.

Здѣсь сначала папа предполагалъ дать ему религіозно-политическую миссію въ Россію, относившуюся къ вопросу о соединеніи церквей, но впослѣдствіи согласился на ходатайство Питры объ избавленіи его отъ такого труднаго и отвѣтственнаго порученія, тѣмъ болѣе, что ученый бенедиктинецъ въ то время не считалъ себя специалистомъ по византійскому каноническому праву, основательное знакомство съ которымъ было необходимо при исполненіи подобнаго

1) О содержаніи этого сочиненія см. у Battandier, op. c. p. 203—214.

2) I-й томъ вышелъ въ 1852 г., II и III-й въ 1855 г. и IV-й въ 1858 году. Содержаніе этихъ томовъ см. у Battandier, op. c. p. 276—288, p. 289 sq. Полный переводъ трудовъ Питры см. у Cabrol, op. c. p. 389—399.

3) Эти статьи были первоначально напечатаны въ журнале *Univers* за ноябрь 1857 годъ, отдельно вышли въ Парижѣ въ 1858 году, перепечатаны въ новомъ изданіи «*Histoire des auteurs sacrés et ecclésiastiques*» Dom-Ceillier, t. XII. Paris. 1862.

порученія. Паша милостиво отнесся къ заявлению Питры и послѣ нѣ сколькихъ аудиенцій, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, разрѣшилъ отправиться въ ученое путешествіе по Россіи.

Посѣтивъ богатыя римскія библіотеки, Питра въ половинѣ августа 1858 года покинулъ Римъ и, совершая свой Iter Italicum, останавливался во Флоренціи, Венеціи, Эсте, Миланѣ, Турингѣ и другихъ городахъ, гдѣ не только въ качествѣ туриста, но и вѣриаго служителя науки слѣдовалъ по стопамъ Мабильоновъ, Папеброковъ, Мон-Фоконовъ¹⁾). Посѣщая итальянскія книгохранилища, Питра имѣлъ своею цѣлью познакомиться съ сохраняющимися въ нихъ рукописями, которыя относились къ греческому каноническому праву.

Проведя зиму съ 1858 на 1859 годъ во Франціи, Питра только въ началѣ лѣта этого года пустился въ свое дальнее путешествіе. Черезъ Кельнъ, Лейпцигъ онъ прибылъ въ Штетинъ, откуда уже на пароходѣ отправился въ Петербургъ.

Россію и теперь еще мало знаютъ на Западѣ; а во время путешествія Питры она была и совсѣмъ почти невѣдомою страной. За границей были въ ходу слухи о преслѣдованіи въ Россіи католиковъ. Поэтому само собой разумѣется, съ какимъ угнетеннымъ духомъ, съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ быть Питра предпринимать такое полное неизвѣстности путешествіе²⁾).

Черезъ три дня Питра проѣхалъ мимо грозныхъ твердынь Кронштадтскихъ укрѣплений. Здѣсь «грустное настроеніе охватило путешественника; ему казалось, что тяжелыя ворота Россіи затворились за нимъ, и что съ этихъ порь онъ сталъ русскимъ плѣнникомъ»³⁾.

По прибытіи 12 іюля въ Петербургъ, Питра нашелъ гостепріимство у доминиканцевъ Екатерининской церкви. Въ его распоряженіе была дана скромная келья, единственнаю роскошью которой для Питры была одна греческая рукопись, уже сильно попорченная сыростью и почти непригодная для чтенія, но, конечно, не для такого искуснаго палеографа, какимъ являлся французскій бенедиктинецъ. Манускриптъ, услаждавшій долгіе часы его одиночества, былъ съ Аeon-

1) См. Cabrol. *Histoire du cardinal Pitra*, p. 225—226. *Revue des facultés catholiques*. 1893, p. 840. Battandier, op. c. p. 885 вѣ.

2) Напримѣръ, одно письмо Питры за это время кончается слѣдующими словами: *Nous reverrons-nous, mon bon prieur, Dieu seul le sait. J'ai bon espoir, et pourtant je ne puis cesser d'être soucieux depuis longtemps.* См. Battandier, op. c. p. 859.

3) Cabrol. *Histoire du cardinal Pitra*, p. 228.

ской горы. Питра стала разбирать его, и его глазамъ предстала поэтическая легенда.

Въ VIII-мъ вѣкѣ, когда надъ Восточной имперіей пронеслась буря иконоборческой эпохи, когда всѣ изображенія святыхъ безпощадно истреблялись, у одной бѣдной никейской вдовы была икона Божіей Матери, которую она, изъ желанія спасти отъ изувѣрства иконокластовъ, бросила въ море. Вместо того, чтобы потонуть, икона, какъ бы поддерживаемая невидимою силою, осталась въ воздухѣ и въ лучахъ блестящаго свѣта скрылась изъ глазъ изумленной вдовы. Прошло много времени. Изгнанные иконоборцами и мусульманами бѣдные восточные монахи переплываютъ море и ищутъ убѣжища въ неприступныхъ горахъ Халкидскаго полуострова, изъ которыхъ одна называется Аеономъ. На ней основалъ монастырь Евѳимій, сынъ грузинскаго (иверскаго) царя Георгія. И вотъ въ это время чудесный огненный столпъ указываетъ на появление у Аеона странствующей иконы. Тогда Гавриилъ, святѣйшій изъ иверскіхъ монаховъ, который изъ сновидѣнія, ниспосланного свыше, узналъ, что ему выпадетъ па долю честь достать икону, вышелъ во главѣ процессіи, пошелъ, по приказанію настоятеля Павла, по водѣ, достигъ иконы и съ торжествомъ перенесъ ее въ монастырь. Икона Божіей Матери, какъ главной покровительницы и владычицы монастыря, была помѣщена надъ главнымъ входомъ и названа поэтому *Портатісса*.

Легенда эта въ рукописи Екатерининской церкви сопровождалась канономъ, или пѣснопѣніемъ, въ честь Св. Дѣвы, который и навелъ Питру на путь къ одному изъ его важнѣйшихъ открытій¹⁾). Текстъ этого канона былъ помѣченъ красными точками, которыми устанавливали симметрическія подраздѣленія канона на стихи и строфы. Ключъ къ пониманію секрета греческихъ пѣснопѣній былъ найденъ и, къ счастію, достался въ руки опытнаго, талантливаго и трудолюбиваго ученаго, какимъ былъ Питра, который сталъ дѣятельно продолжать свои поиски.

Въ первой главѣ мы сказали, что ученые, стараясь отыскать въ

1) Cabrol, op. c. p. 229—231. *Revue des facultés catholiques*. 1893, p. 342—343. Исторія иконы *Портатісса* находится въ рукописи патріаршой Московской библіотеки подъ № 436. См. каталогъ Маттеи, t. II, № XIX, кат. Саввы 1823 г. № 436, кат. арх. Владимира 1894 г. № 404. См. также Порф. Успенскій. Новое слово объ Аеноиверской иконѣ Богоматери (Чтенія въ общ. любителей духовнаго просвѣщенія. 1879, мартъ, стр. 380—386).

греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ какой-либо одинъ изъ классическихъ размѣровъ, не достигли положительныхъ результатовъ и остановились на томъ мнѣніи, что пѣснопѣнія эти написаны были прозою. Самъ Питра до своей поѣздки въ Россію послѣ продолжительныхъ разысканій не могъ достичь лучшихъ результатовъ; «онъ не могъ сломать печати съ этихъ таинственныхъ книгъ»¹⁾). Путешествіе въ Петербургъ и рукопись Екатерининской церкви дали въ руки Питры ключъ къ разрѣшенію этой загадки. Оказалось, что церковная греческая поэзія имѣеть особый размѣръ, основанный на числѣ словъ и на обычномъ удареніи словъ²⁾.

Питра изъ Петербурга прїѣхалъ 2 августа 1859 года въ Москву. Остановившись въ домѣ польской церкви, онъ прежде всего жаждалъ увидѣть Кремль. Видъ на Москву, на Замоскворѣчье поразилъ его; по словамъ Питры, самъ Римъ не можетъ произвести такого грандиознаго впечатлѣнія.

Самое суровое отцовское проклятие сыну, говорить ученый путешественникъ въ другомъ мѣстѣ, будетъ то, если отецъ покажетъ съ горы сыну въ послѣдній разъ Москву и запретить ему болѣе возвращаться, чтобы хоть еще разъ взглянуть на священный городъ³⁾). Но Питру сильно тревожила возможность неуспѣха его ученой миссіи въ этомъ чужомъ городѣ. Онъ слышалъ, что митрополитъ Филаретъ былъ настроенъ враждебно противъ католиковъ; прїѣздъ-же Питры могъ показаться подозрительнымъ. Къ счастью, онъ нашелъ дѣятельную поддержку во французскомъ консулѣ г. Ливіо (Livio), который представилъ его архимандриту Леониду и тогдашнему губернатору графу Строгонову, у которыхъ Питра нашелъ благосклонный приемъ и обѣщаніе помочи его дѣлу. Наконецъ насталъ день, когда Питра долженъ былъ представиться Филарету. Митрополитъ жилъ въ отдаленной части города въ подворѣ Троицкаго монастыря.

Питра удивлялся скромному обиталищу русскаго владыки. Первая аудиенція происходила при посредствѣ французскаго консула, служившаго имъ переводчикомъ. Филаретъ, распросивъ Питру о цѣли его путешествія, обѣщалъ ему свое содѣйствіе. Дѣйствительно съ 21 сентября и до половины января Питра имѣть свободный доступъ въ Синодальную библіотеку, где онъ былъ обставленъ всѣми удобствами и

1) Pitra. *Nuспnographie*, p. 10. Cabrol, op. c. p. 264.

2) Подробнѣе о размѣрѣ мы скажемъ ниже въ III-й главѣ.

3) Battandier, p. 369.

пользовался советами и помощью русскихъ священниковъ и монаховъ. Особенно долго помнилъ Питра обязательного и всегда любезнаго монаха Григорія. Кроме того, онъ нашелъ на чужбинѣ въ лицѣ доктора Гезена (Dr. Heesen) истиннаго друга и помощника. Гезенъ все время съ нимъ вмѣстѣ работалъ; въ часы же отдыха Питра проводилъ время въ тихой и скромной семейной обстановкѣ доктора.

По приглашенню митрополита Питра присутствовалъ 5 сентября на торжественномъ богослуженіи по случаю совершеннолѣтія насѣдника Николая Александровича и принесенія имъ присяги. Питра искренне удивлялся той силѣ и бодрости, съ какою престарѣлый митрополитъ выдерживалъ длинную службу.

Запасшись рекомендательнымъ письмомъ архимандрита Леонида, Питра совершилъ поѣзdkу въ Троицко-Сергіевскую лавру, гдѣ присутствовалъ на торжественной всенощной наканунѣ праздника Воздвиженія Креста Господня и за обѣдней въ самый праздникъ (14 сент.). Во время всенощной Питра отъ жары и тѣсноты почувствовалъ себя дурно. Выведенный на чистый воздухъ, онъ быстро оправился; ходный потъ, разсказываетъ вѣрный сынъ католической церкви, выступилъ при одной мысли, что онъ могъ умереть тамъ въ русской церкви¹⁾). Здѣсь Питра познакомился съ профессоромъ Горскимъ. По возвращеніи въ Москву съ помощью князя Оболенскаго Питра могъ даже пользоваться архивами кремлевскаго дворца. Интересны весьма частыя, регулярныя бесѣды Питры съ архимандритомъ Леонидомъ по поводу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ относительно церковныхъ особенностей Западной церкви.

Незадолго до своего отѣзда Питра получилъ еще аудіенцію у митрополита. Въ качествѣ переводчика бытъ назначенъ митрополитомъ г. Кирьяковъ (Kiriaskoff). Пріемъ состоялся 28-го декабря.

«Экипажъ, разсказываетъ Питра, съ большими шумомъ вѣхалъ во дворъ нашей польской церкви къ великому удивленію всѣхъ присутствующихъ. До Троицкаго подворья добѣхали весьма быстро. Я нахожу такой-же рядъ бѣдняковъ, въ томъ-же порядкѣ и на той-же лѣстницѣ, какъ и въ первый разъ; пріемные, которыя въ первый разъ я нашелъ пустыми, сегодня были полны посѣтителей, ожидавшихъ своей очереди. Мнѣ предлагаются единственный находящійся тамъ стулъ; но я отказываюсь. Въ пріемныхъ принято ожидать всегда

1) Battandier. p. 377.

стоя; и если самый знатный останется стоять, то считается неудобнымъ передъ нимъ сѣсть, будь тамъ стулья, кресла и диваны для всѣхъ. Въ разговорѣ съ Кирьяковымъ я узналь, что митрополитъ говоритъ по латыни. Немного спустя намъ докладываютъ, что владыка насъ ждетъ. Я увидѣлъ тѣ-же большиe салоны, какъ и при первомъ пріемѣ. Я вижу старца въ дали третьей залы; тотчасъ мой спутникъ дѣлаетъ глубокій поклонъ (*m茅tanie*), преклоняясь до земли, касаясь пола правою рукою и наклоняя какъ можно ниже голову въ ожиданіи знака приблизиться. Я продолжаю стоять и дѣлаю небольшой поклонъ (*m茅tanie m茅diocre*). Во второй залѣ новые поклоны. Въ третьей залѣ третье колѣнопреклоненіе моего проводника. Владыка садится и дѣлаетъ мнѣ знакъ, чтобы и я сѣлъ. Кирьяковъ остается стоять и обмѣняется нѣсколькими словами съ владыкой, который черезъ него спрашиваетъ меня, доволенъ-ли я своимъ пребываніемъ въ Россіи и Москвѣ. Я сразу отвѣчуя полатыни «*Bene, optime et prospere res se habent*» и прошу позволенія продолжать бесѣду на этомъ общемъ намъ нарѣчіи. При звукахъ языка, на которомъ можно было объясняться безъ помощи третьаго лица, владыка отвѣтилъ: «*Datur libentissime et venia et copia latine loquendi*». Происшедшій разговоръ буквально записанъ Питрой.

— Я считаю своимъ долгомъ, началь онъ, поблагодарить тѣхъ знаменитыхъ лицъ, которыя осыпали меня знаками своего расположения; среди нихъ я долженъ особенно упомянуть о выдающемся владыкѣ, первой причинѣ такого превосходнаго пріема, и мнѣ пріятно лично выразить ему мою благодарность.

— И я самъ, отвѣчая митрополиту, нарушилъ-бы всѣ обязанности гостепріимства, еслибы не принялъ со всѣмъ вниманіемъ монаха и иностранца.

— Говорять, Ваше Высокопреосвященство, что монахи обладаютъ превосходною памятью; это есть по крайней мѣрѣ качество, приписываемое бенедиктинцамъ; и я воспользуюсь мою памятью, чтобы никогда не забыть о всевозможныхъ благодѣяніяхъ, которыми я былъ осыпанъ въ этомъ городѣ Москвѣ. Мнѣ будетъ отрадно вспомнить о пріятномъ знакомствѣ съ извѣстными людьми, между которыми я назову Кирьякова, ученаго архимандрита Сергія, Феодора и ихъ викария Григорія. Но выше всякихъ похвалъ я ставлю глубоко любимаго иуважаемаго владыку Леонида, пріятное воспоминаніе о которомъ останется запечатленнымъ въ моемъ сердцѣ.

— Я постараюсь, чтобы все эти слова дошли по своему назначению. Но скажите, прошу васъ, какая была ваша главная цѣль и основаніе столь долгаго пребыванія?

— Патріаршая библіотека превзошла всѣ мои желанія. Я думаю, что по греческому отдѣлу это четвертая или пятая изъ европейскихъ библіотекъ, а что касается до літургіи и канонического права, то я ей опредѣлилъ-бы третье мѣсто, считая выше ея только библіотеку Ватикана и Парижа. Насколько помню, я уже сказалъ Вашему В. Пр—ву, что мою цѣлью было собрать памятники канонического права и літургіи.

Питра изложилъ довольно подробно митрополиту о томъ, чѣмъ онъ занимался и что нашелъ въ Москвѣ; между прочимъ Питра сказа-
ть, что онъ сравнивалъ изданныя книги съ древнѣйшими рукопи-
сями и нашелъ между ними большое различіе.

Владыка слушалъ съ удвоеннымъ вниманіемъ и сдѣлалъ слѣдую-
щее замѣчаніе:

— Другіе замѣтили то-же самое различіе; но разница гораздо
меньше между греческими рукописями и старыми славянскими пер-
водами.

— Я поспѣшилъ присоединиться къ этому замѣчанію, не дѣлая
различія между книгами старовѣровъ и книгами офиціальной церкви.
Я также, благодаря лицамъ, хорошо знакомымъ со славянскимъ язы-
комъ, замѣтилъ, что въ славянскихъ книгахъ можно найти то, чего
уже нѣть теперь въ греческихъ печатныхъ літургическихъ книгахъ.

— Да, сказалъ Владыка, наши древніе переводчики были людьми
безукоризненной точности и хорошо знали греческій языкъ, откуда
следуетъ, что греческая древность сохранилась у насъ чище и вѣр-
нѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

— Къ тому же, поспѣшилъ я прибавить, они имѣли болѣе древнія
рукописи и гораздо лучшаго письма, чѣмъ тѣ, которыя служили грекамъ
для ихъ первыхъ изданій XVI вѣка. Но, если я не ошибаюсь,
они имѣли подъ руками какія-то позднѣйшія рукописи, а ихъ они
перепечатали неточно: очень много вещей оттуда выкинули, а дру-
гія по своему произволу вставили.

— Но, перебилъ немножко живѣе Владыка, какая же цѣль этихъ ва-
шихъ занятій?

— Все это, отвѣчалъ я, останется погребеннымъ въ моихъ карто-
нахъ и, по всей вѣроятности, не увидитъ свѣта до тѣхъ поръ, пока
Богъ не возвратитъ намъ спокойствія. Если мы дождемся мира, то я

надѣюсь съ помощью моихъ братьевъ той-же конгрегаціи св. Бенедикта сдѣлать критическое, безукоризненное изданіе каноническихъ и літургическихъ греческихъ книгъ. Но это изданіе врядъ-ли можетъ состояться безъ того, чтобы одинъ изъ членовъ нашего ордена не возвратился въ Москву съ цѣлью еще разъ пересмотрѣть рукописи, которыми я пользовался. Въ этомъ случаѣ, еслибы бенедиктинскій монахъ, болѣе дѣятельный и молодой, чѣмъ я, имѣлъ честь представить передъ Вашею Святостью, осмѣлился-бы я просить принять его съ тою-же добротою и снисходительностью, которая были оказаны мнѣ?

— Я весьма охотно это вамъ обѣщаю; я желалъ-бы, чтобы всѣ ваши братья знали, что я и мои преемники окажутъ имъ, насколько это будетъ зависѣть отъ насть, всѣ желаемыя облегченія, только занятия вашихъ братьевъ, какъ и ваши собственныя, происходили въ мирѣ и спокойствіи.

— Это было всегда неизмѣннымъ правиломъ нашего ордена, которое уже много вѣковъ выражается однимъ словомъ Рах.

— Золотое правило. Да будетъ угодно Богу, чтобы согласіе всѣхъ душъ состоялось въ мирѣ.

— Таково и мое самое дорогое желаніе, и я не стану скрывать отъ Васъ, уважаемый Владыка, что въ нашемъ аббатствѣ въ Solesmes мы имѣемъ уже старинный обычай молиться каждую недѣлю, въ определенный день, за миръ и примиреніе всѣхъ христіанъ и всѣхъ церквей, чтобы было едино стадо и единъ Пастырь.

— Хорошо, хорошо, и продолжайте такъ, почтенные монахи; мы также молимся и не каждую недѣлю, но каждый день за миръ всей церкви.

— Наши молитвы, отвѣтилъ я, ежечасно возносятся къ Богу съ мольбою только объ одномъ, о мирѣ и единеніи всѣхъ братьевъ во Христѣ. Мы сыновья миротворцевъ и дѣтей мира.

Отцы наши, тому уже пятнадцать вѣковъ, видѣли совершенное согласіе между Восточной и Западной церковью; они были свидѣтелями церковнаго мира; мы, сыны ихъ, не хотимъ умереть, не увидавъ этого возстановленного во Христѣ мира. Иисусъ Христосъ есть небесный и земной миръ, и мы хотимъ пѣть съ нашими отцами: «Gloria in excelsis Deo et pax hominibus bona voluntatis».

— Amen, amen, отвѣчалъ Владыка, отпуская Питру¹⁾.

1) Battandier p. 386—390. Вся эта бесѣда митрополита съ Питрою, по утверждению послѣдняго, записана имъ почти слово въ слово.

Во время праздника Рождества Питра получилъ отъ своихъ московскихъ знакомыхъ много подарковъ. Но пора было уже уѣзжать. Распростишись и поблагодаривъ архимандрита Леонида, Гезена и другихъ, Питра 15-го января 1860 года покинулъ Москву и возвратился въ Петербургъ.

Но на прощанье Москва преподнесла ученому бенедиктинцу совершенно неожиданный и чрезвычайно интересный подарокъ. Въ концѣ своего пребыванія въ Москвѣ, когда уже близилось время отѣзда изъ Россіи, Питра, во время одного изъ своихъ послѣднихъ посѣщеній Синодальной библіотеки, случайно наткнулся на греческую рукопись съ заглавиемъ *Κουδαχάριν*. Начала и конца рукописи не было¹⁾. Перелистывая ее, онъ невольно остановилъ свое вниманіе на одномъ пѣснопѣніи, которое поразило его своею звучностью и поэтическимъ содержаніемъ. Это была извѣстная Рождественская пѣснь: «Дѣва днесъ Пресущественаго рождается»²⁾. Охваченный прелестью этой новой поэзіи, Питра, продолжалъ свое чтеніе. За пѣснопѣніемъ на Рождество следовали другія пѣснопѣнія обѣ Иоаннѣ Крестителѣ, Св. Стефанѣ, Страшномъ Судѣ и др. Все это принадлежало вдохновенію извѣстнаго Романа Сладкопѣвца и нѣкоторыхъ другихъ пѣснопѣвцевъ. Между тѣмъ Питрѣ не было времени; ему надо было уѣхать и покинуть эту драгоценную, такъ счастливо попавшую ему въ руки рукопись. Питра понялъ, что здѣсь лежитъ передъ нимъ совершенно новая книга, которую нужно списать. «Но скиеская зима плохо согрѣвала его; руки, онѣмѣвъ отъ восьмимѣсячнаго труда, слабы; Питра съ глубокой грустью собралъ паруса, моля судьбу дать ему возможность въ другомъ мѣстѣ пристать къ подобнымъ хранилищамъ при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ»³⁾.

Но не скоро судьба услышала мольбу неутомимаго ученаго. Проходили годы въ безуспешныхъ поискахъ второй подобной рукописи. Воспоминаніе о московскомъ кодексѣ было для Питры воспомина-

1) Свѣдѣнія обѣ этомъ кодексѣ можно найти у Питры въ *Analecta Sacra*. Т. I. р. XIII—XV. Описаніе этого кодекса можно найти и въ русской литературѣ, напр., у Филарета Черн. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. 2-е изданіе. Черниговъ. 1864 г. 199—202; его-же Историческое учение обѣ отцахъ церкви. Изд. II Т. III. Спб. 1882 г. 118—119.

2) Греч. текстъ см. у *Pitra Analecta Sacra* т. I р. 1. *Christ et Parapnikas. Anthologia* p. 91.

3) *Pitra. Analecta Sacra*. Т. I р. VII: *Sed hieme Scythica male urebar...*

ніемъ о потерянномъ рабѣ¹⁾). И только уже во времена своего кардинальства, Питрѣ удалось найти въ библіотекѣ Корсии второй экземпляр московской рукописи, а въ Туринѣ и третій. На основаніи двухъ этихъ рукописей были изданы имъ въ 1876 году произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ²⁾). О существованіи четвертой болѣе полной рукописи на островѣ Патмосѣ Питра узналъ позднѣе, такъ что не могъ привлечь ее къ изданію своихъ пѣснопѣвцевъ³⁾.

Покинувъ Петербургъ вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Москвы, Питра дѣлалъ обратный путь при двадцатиградусномъ морозѣ въ экипажѣ съ разбитыми стеклами и наконецъ на простыхъ саняхъ съ помощью двухъ крестьянъ; онъ щахъ между двумя снѣжными стѣнами вышиною въ человѣческій ростъ, черезъ обширные сосновые лѣса, черезъ бѣлыя равнины, на которыхъ бушевалъ настоящій холодный сибирскій вѣтеръ⁴⁾). Такимъ образомъ Питра добрался до Варшавы. Этимъ кончаются ученыя странствованія Питры въ неизведомой и подчасъ страшной для него Россіи. Результаты его поѣздки были блестящи. «Да будетъ благословенно путешествіе по Россіи, которое открываетъ намъ цѣлый неизвѣстный міръ», пишетъ позднѣе въ 1867 году аббатъ Геранже (Gueranger), по прочтеніи греческой гимнографіи Питры⁵⁾.

Изъ Варшавы Питра черезъ Прагу, Вѣну, въ которой онъ имѣлъ продолжительную остановку, прибылъ въ октябрѣ въ Парижъ, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Римъ, былъ ясково принятъ папою и все время продолжалъ неустанно работать въ Ватиканѣ. По приѣздѣ Питры въ Римъ тамъ было узнано, что онъ открылъ секретъ византійскихъ пѣснопѣній. На многочисленные запросы по этому поводу Питра, до появленія своей знаменитой гимнографіи, прочелъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи католической религії 3-го іюля 1862 года докладъ о своемъ открытии. Семь кардиналовъ,

1) Cabrol. Hist. du Card. Pitra. p. 269—Revue des facultés catholiques. 1893 Fevr. p. 348.

2) Pitra. Analecta Sacra. I p. VI—VII. Cabrol. op. c. p. 269.

3) Cabrol въ Revue des fac. cath. 1893 Fevrier. p. 348. Объ изданіи Питрой на основаніи Патмосской рукописи трехъ гимновъ Романа Сладкопѣвца ко дню юбилея папы Льва XIII будетъ сказано ниже. Полное изданіе Романа на основаніи всего рукописнаго матеріала приготавливается Крумбахеромъ. См. Krumbacher. Gesch. der byz. Litteratur. S. 318.

4) Battandier. p. 391.

5) Battandier. p. 528.

множество прелатовъ и весь ученый, литературный Римъ присутствовалъ на этомъ засѣданіи.

За многочисленные труды и заслуги Питры папа въ мартѣ 1863 г. возвель его въ санъ кардинала.

Результатомъ его занятій въ Россіи и другихъ странахъ явились два тома церковнаго греческаго права, которые содержать въ себѣ канонические памятники греческой церкви, начиная съ постановленій апостольскихъ и кончая Номоканономъ, приписываемымъ Фотію¹⁾. Сопровождающія изданный текстъ ученыхъ введенія и примѣчанія представляютъ изъ себя настоящую исторію канонического права византійской церкви и ея источниковъ. Въ 1867 году вышло его знаменитое сочиненіе по греческой гимнографіи, где онъ говоритъ подробнѣ о своемъ открытии и опредѣляетъ общіе законы этой літургической поэзіи²⁾. Въ 1876 г. появился первый томъ *Analecta Sacra*, въ которомъ авторъ говоритъ о греческихъ пѣснопѣніяхъ и издаетъ громадное количество до тѣхъ порь неизвѣстныхъ твореній греческихъ пѣснопѣвцевъ. Въ этомъ томѣ заключается болѣе двухъсотъ пѣснопѣній на годовые праздники, въ честь Святыхъ и нѣкоторыхъ лицъ Ветхаго Завѣта, Адама, Ноя и другихъ³⁾.

Въ началѣ 1869 года Питра былъ назначенъ на мѣсто кардинала Тости библіотекаремъ Римской церкви. Семидесятые годы принесли Питрѣ много горя. Такія события, какъ занятіе Рима войсками Піемонта въ сентябрѣ 1870 г., разгромъ Франції Пруссіей и, наконецъ, смерть его искренняго доброжелателя и покровителя папы Пія IX (7-го февраля 1878 г.), не могли не произвести на кардинала глубокаго, тяжелаго впечатлѣнія. Но составленіе каталога ватиканскихъ ученыхъ сокровищъ и открытие доступа ученымъ въ Ватиканскую библіотеку, что случилось уже при новомъ папѣ Львѣ XIII, являлось исполненiemъ однихъ изъ самыхъ завѣтныхъ думъ и мечтаній ученаго кардинала. Въ 1879 году Питра былъ назначенъ епископомъ во Фраскатти недалеко отъ Рима, а въ 1884 г. въ Порто. Въ 1884 году появились II, III и IV томы его *Analecta Sacra*.

Съ 1885 г. его крѣпкое здоровье начало слабѣть. Возникшія не-

1) *Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*. Roma. I T. 1864; T. II. 1868.

2) *Hymnographie de l'Eglise Grecque*. Rome. 1867. Еще раньше въ *Analecta juris pontificii* (1863 г. T. III, 1417—1427) Питра выпустилъ въ свѣтъ хорошую статью объ этомъ своемъ открытии; но она прошла почти незамѣченою. См. Cabrol. op. c. p. 265. Battandier p. 519.

3) *Analecta Sacra Spicilegio Solesmensi parata*. Parisiis. 1876.

доразумѣнія съ папой и смерть любимой сестры еще болѣе подорвали и безъ того уже падавшія силы Питры.

Въ 1886 году минуло пятьдесятъ лѣтъ служенія его въ духовномъ санѣ. Весь ученый европейскій міръ отозвался на этотъ праздникъ кардинала и всячески старался выказать свою къ нему симпатію иуваженіе.

Въ 1888 году праздновался съ необычайно торжественностью пятидесятилѣтній юбилей папы Льва XIII, во время котораго Питра поднесъ юбиляру изданные имъ впервые на основаніи Патмосской рукописи три отрывка изъ твореній знаменитаго Романа Сладкопѣвца¹⁾. Въ 1888 году неутомимый ученый издалъ пятый томъ своихъ *Analecta Sacra*²⁾. Болѣзнь между тѣмъ медленно, но вѣрно дѣлала свое дѣло; неустанные труды больного еще болѣе способствовали ея скорѣйшему развитію. Несмотря на это, Питра смогъ еще окончить изданіе писемъ Димитрія Хоматина, которыя закончили труды кардинала по наукѣ византійскаго канонического права³⁾.

Утромъ 9 февраля 1889 года больной почувствовалъ себя лучше; но послѣ трехъ часовъ дня въ состояніи Питры вдругъ произошло сильное ухудшеніе. Въ семь часовъ вечера крупная слеза выкатилась изъ глазъ умирающаго, онъ слабо вздохнулъ и отдалъ Богу свою бессмертную душу⁴⁾.

Смерть похитила Питру у науки, когда онъ собирался подарить ее своимъ большимъ сочиненіемъ о греческой поэзіи. Со смертью Питры наука понесла тяжкую, до сихъ поръ не вознаградимую потерю. Онъ является въ греческой гимнографіи, по выраженію одного біографа, вторымъ Христофоромъ Колумбомъ. Въ оставшихся послѣ смерти рукописяхъ кардинала найдется, навѣрное, матеріала еще на десять томовъ *Analecta*, но для пользованія ими нуженъ талантъ, любовь къ труду, обширный, тонкій умъ, чѣмъ такъ щедро былъ отъ природы одаренъ покойный кардиналъ. Драгоценный камень еще

1) *Sanctus Romanus veterum melodorum princeps. Cantica sacra ex codd. mss. mon. S. Ioannis in insula Patmo primam in lucem ed. card. Pitra. Romae. 1887.*

2) *Analecta Sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. T. V, 1 vol. Paris et Rome. 1888.*

3) *Analecta Sacra et classica. v. VII. Juris ecclesiastici graecorum selecta parallelomena. Paris. 1891.* Издано уже послѣ смерти Питры Battandier. См. разборъ этой книги въ Византійскомъ Времениниѣ за 1895 г. Т. II. 3 с. 426—438.

4) Письмо Battandier къ аббату Lazaire отъ 11-го февраля 1889 г. См. Cabrol. op. c. p. 366. Battandier p. 897.

находится у насъ въ рукахъ, но нѣть искуснаго мастера. Не могли продолжать кардинала Маи; не продолжать и кардинала Питру¹⁾.

III.

Размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній.

Открытая Питрою схолія грамматика Феодосія Александрійскаго, о которой мы уже упоминали выше²⁾, помогла кардиналу разгадать секретъ размѣра церковныхъ пѣснопѣній.

Въ этой схоліи говорится: если кто-нибудь хочетъ составить канонъ, онъ долженъ сначала установить мелодію ирмоса, потомъ присоединять къ нему тропари, которые совершенно-бы совпадали съ ирмосомъ по числу слоговъ и ударенію и въ то же время отвѣчали бы цѣли пѣснопѣнія (т. е. тому предмету, о которомъ было предложено говорить въ канонѣ)³⁾.

Итакъ, схолія эта даетъ самое опредѣленное правило относительно составленія канона; отдельныя его пѣсни, или тропари, подчиняются двумъ законамъ: они должны имѣть одно и то же число слоговъ и одинаковое удареніе съ первою строфою тропаря, т. е. съ ирмосомъ. Стевенсонъ взялъ на себя трудъ проверить это положеніе, принятое Питрою. Просмотрѣвъ самыи тщательнымъ образомъ всѣ изданныя Питрою пѣснопѣнія Романа Сладкопѣвца и самые знаменитые каноны греческой церкви, пришелъ къ тому заключенію, что эта теорія совершенно справедлива, и стихи, за немногими исключеніями, согласно выраженію Феодосія, являются ἰσοσυλλαβοῦντα и ὄμοιονοῦντα⁴⁾.

Относительно-же ударенія надо помнить, что къ византійскому времени разница между острымъ и облеченнымъ удареніемъ древнегреческаго языка исчезла. Явленіе это началось съ первыхъ вѣковъ

1) Battandier p. 525 и 755.

2) См. стр. 17.

3) Εάν τις θέλη ποιῆσαι κανόνα, πρῶτον δεῖ μελίσαι τὸν εἰρμὸν, εἰτα ἐπαγγαγεῖν τὰ τροπάρια, ἵσοσυλλαβοῦντα καὶ ὄμοιονοῦντα τῷ εἰρμῷ, καὶ τὸν σκοπὸν ἀποσώζοντα. Pitra Hymnographie de l'église grecque. p. 81—82; его-же Analecta Sacra I p. XLVII. Переводъ этого отрывка, данный Питрою, принятый Стевенсономъ (Revue des quest. hist. II (1876) p. 504—505) и нами, нашель противника относительно перевода слова σκοπός черезъ французское *but*, русское—пѣнь, въ лицѣ ученаго Криста, который слово σκοπός переводить «мелодія». (Sitzungsber. der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1870, S. 100).

4) Stev. p. 505—506.

христіанства. Несоблюденіе правилъ классической просодіи относительно долготы и краткости слоговъ можно встрѣтить уже въ гимнѣ Клиmenta Александрийскаго, въ гимнахъ Синезія, Григорія Богослова и даже въ поэмѣ мученика Меѳодія *συμπόσιον παρθένων*, которая относится къ первымъ годамъ IV-го вѣка. Удареніе, съ теченіемъ времени одержавъ побѣду надъ долготою и краткостью слоговъ, дѣлается основнымъ элементомъ народной поэзіи всѣхъ временъ¹⁾.

Итакъ, въ греческихъ пѣснопѣніяхъ замѣчается два основныхъ закона: одинаковое удареніе и одинаковое число слоговъ съ ирмосомъ.

Но на первый взглядъ нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ иногда являются отступленія отъ двухъ вышеупомянутыхъ законовъ церковнаго стихосложенія. Удареніе не занимаетъ того-же мѣста во всѣхъ строфахъ, какое оно занимаетъ въ ирмосѣ; число слоговъ бываетъ въ различныхъ мѣстахъ неодинаково.

Послѣ работы Питры, основателя науки о церковныхъ пѣснопѣніяхъ, Криста, Стевенсона, работа котораго по вопросу о разработкѣ размѣра греческихъ пѣснопѣній признается нѣкоторыми классическою²⁾, августинца Буви³⁾ — можно прійти къ тому выводу, что всѣ эти видимыя отступленія отъ основного закона сводятся къ тремъ легко объяснимымъ случаямъ: къ двухсложнымъ частицамъ и двухсложнымъ мѣстоименіямъ, многосложнымъ *ροραχοутона* и *οχутона* и, наконецъ, къ *ρορεгіспомена*, за которыми слѣдуетъ энклитика⁴⁾.

Дѣйствительно, иногда удареніе въ двухсложныхъ частицахъ и двухсложныхъ мѣстоименіяхъ не согласуется съ тоническимъ размѣромъ даннаго пѣснопѣнія. Въ тропаряхъ встречаются иногда нарѣчія *ἀλλὰ*, *οὐδὲ*, *μηδὲ* и др., предлоги — *παρά*, *ὑπέρ*, *ἀπό* и т. д., мѣстоименія — *ἐγώ*, *ἐμοῦ*, *ἡμεῖς*, *αὐτός* и др., — тамъ, где тонический размѣръ требовалъ бы ударенія на предпослѣднемъ слогѣ.

1) Stev. p. 516. Текстъ указанныхъ гимновъ и поэмы см. у *Christ Anthologia*. S. 37—38, 1—23, 23—32 и 33—37.

2) См. рецензію на работу Стевенсона въ *Revue Critique* за 1889 г. I р. 267. См. также упомянутый уже нами рефератъ на работу Стевенсона Купиториса *Пері тої рѣдмої* въ *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1878 (II) р. 372—391.

3) Ed. Bouvy. *Poëtes et Mélodes. Etude sur les origines du rythme tonique dans l'écographie de l'église grecque*. Nîmes. 1886 р. 270—360. См. не особенно благопріятную рецензію на эту книгу Теодора Рейнака въ *Revue critique*. 1887 II р. 242—247.

4) Краткое изложеніе выводовъ Питры о законахъ ритмической церковной поэзіи можно найти также у Jacobi. *Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes (Zeitschrift für Kirchengeschichte*. B. V. 1882. S. 189—190).

Но подобные короткие слова, безпрестанно употребляясь въ общодѣ, не всегда произносились съ яснымъ ударениемъ на послѣднемъ слогѣ. Да къ тому же, это можно смѣло извинить пѣснопѣвцамъ, какъ поэтическую вольность; вѣдь и въ классической поэзіи найдется не одинъ примѣръ различныхъ поэтическихъ вольностей. Конечно, пѣснопѣвцамъ можно было бы иногда избѣгнуть нарушенія размѣра съ помощью анастрофы, когда ударение въ предлогахъ, напримѣръ, переходитъ на первый слогъ. Но пѣснопѣвцы анастрофы не знаютъ.

Что касается до многосложныхъ грогоагохутона и охутона, то въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся лишь съ видимымъ затрудненіемъ. Часто въ тропаряхъ извѣстной пѣсни канона стоитъ многосложное охутоноп, напримѣръ, фѡтісмός, таپеінóс, тогда какъ соотвѣтствующія имъ слова въ ирмосѣ являются Ѹáнатос, πόλεμος—грогоагохутона. Повидимому, здѣсь возникаетъ вопросъ о двойномъ нарушеніи тонического размѣра: въ первомъ случаѣ слово имѣеть ударение на послѣднемъ слогѣ, а не имѣеть его на первомъ,—во второмъ случаѣ имѣеть ударение на первомъ и не имѣеть его на послѣднемъ слогѣ. Но это противорѣчіе лишь кажущееся. Многосложное слово охутоноп въ произношеніи имѣеть такое-же удареніе на первомъ слогѣ, какъ и на послѣднемъ, хотя первое удареніе и не пишется; наоборотъ, грогоагохутоноп имѣеть такое-же не изображаемое въ письмѣ удареніе и на послѣднемъ слогѣ. Если хотѣли-бы изобразить эти слова съ полнымъ ударениемъ, то нужно было бы писать фѡтісмός, таپеінóс, а во второмъ случаѣ Ѹáнатос, πόλεμος. Отсюда видно, что въ этомъ случаѣ нѣть нарушенія тонического размѣра. Можетъ быть, въполномъ отожествленіи Стевенсономъ грогоагохутона съ охутона и есть нѣкоторое преувеличеніе, на что одни писатели и указываютъ¹⁾); но такія тонкости ударенія не могутъ вѣ-таки вліять на тонической размѣръ извѣстнаго пѣснопѣнія. Все вышесказанное относится ко всякому слогу съ удареніемъ, за которымъ слѣдуютъ два другіе безъ ударенія; при чемъ совершенно безразлично, будетъ-ли это одно слово, или различные слова. Въ четвертой пѣсни канона Козьмы на праздникъ Богоявленія три первыя строфы начинаются словами ἀκήκοα, ρυπτόμενον, ύπέφηνεν; но, такъ какъ произносятся эти слова собственно съ двумя удареніями ἀκήκοά, ρυптόμенόν, ύπέφηнéн, то Козьма четвер-

1) См. напр. Вouuу. op. c. p. 287—289.

тую строу съ полнымъ правомъ начинаеть двумя словами *ψυχῆς τελῶν*¹). При этомъ не надо забывать, что въ византійское время разницы между острымъ и облеченнымъ удареніемъ въ произношениі не было. Однимъ словомъ, для византійскаго времени дактиль и анапестъ не имѣли почти никакого различія.

Третье исключеніе, касающееся словъ *properispomena*, за которыми слѣдуетъ энклитика, является въ позднѣйшихъ рукописяхъ и послѣднихъ венеціанскихъ изданіяхъ. Византійскіе-же пѣснопѣвцы, начиная съ Романа, не знали того явленія, что энклитика, если ей предшествуетъ *properispomenon*, должна лишаться своего ударенія и переносить его на это слово.. Пѣснопѣвцы не произносили *εὐρές με, πνεῦμα μοι*, но *εὐρες με, πνευμα мои*. Стевенсонъ доказываетъ это изученіемъ рукописнаго матеріала кондаковъ Романа и каноновъ. Только съ XV вѣка въ літургическихъ книгахъ начинаютъ встрѣчаться настоящія грамматическая ударенія. Причину этого можно видѣть въ исчезновеніи съ первыхъ вѣковъ христіанства различія между долгими и краткими слогами. Въ византійское время облеченное удареніе потеряло свой смыслъ; для византійскаго уха безразлично было произносить *σῶμα* или *σώμα*, *τοῦτο* или *τούτον*, *κῆπος* или *κήπος* и др.

Первые венеціанскія изданія богослужебныхъ книгъ, сдѣланыя на основаніи рукописей, не лишаютъ энклитической слова ихъ ударенія въ вышеприведенномъ случаѣ. Позднѣйшія-же изданія, строго соблюдая грамматическую правила относительно энклитикъ, внесли большія неправильности въ размѣръ пѣснопѣній. Надо сказать, что и самъ Питра въ своемъ изданіи *Analecta Sacra* придерживался въ данномъ случаѣ грамматики, хотя въ предисловіи и говорилъ, что односложные энклитики послѣ *ρgoragoхutona* могутъ сохранять свое удареніе, если этого требуетъ размѣръ²).

Соблюдая правильное чередованіе удареній, пѣснопѣвцы иногда нарушаютъ и другія требования грамматики. Иоаннъ Мавропъ (Ioannes Mauropus), евхаристій митрополитъ XI вѣка, въ своемъ канонѣ въ честь Ангела Хранителя даетъ слѣдующій примѣръ. Во второмъ тропарѣ авторъ поставилъ четыре раза союзъ *ὅταν* съ сослагательнымъ наклоненіемъ, которое въ данныхъ глаголахъ могло имѣть уда-

1) См. Christ et Par. Anthologia. p. 170.

2) *Analecta Sacra. Proleg.* p. XC. canon. VIII.

реніе propragoхутонон; но желая окончить и следующій стихъ ргорагохутонон, онъ неожиданно въ зависимости отъ *δταν* ставить изъявительное наклоненіе. Произошло это вслѣдствіе желанія автора сохранить тонической размѣръ¹⁾.

Желаніемъ-же не нарушать чередованія удареній объясняется и то, что пѣснопѣвцы пишутъ иногда въ звательномъ падежѣ *σωτὴρ* и *σῶτερ*, *πατήρ* и *πάτερ*, *Φυγάτηρ* и *Φύγατηρ*. Пѣснопѣвцы въ превосходной степени именъ прилагательныхъ ставятъ иногда мужескій родъ вмѣсто женскаго; такъ, говорять, напримѣръ, *δυσωδέστατον φθοράν*, *τὴν ὑπέρτατον στάσιν*, *τὴν ἀδεώτατον γυνώμην*. Впрочемъ, примѣры послѣдняго рода можно встрѣтить и въ классическихъ произведеніяхъ Гомера и Фукидида²⁾.

Односложныя слова, пишутся-ли они безъ ударенія (*ἄτονοι*) или съ удареніемъ, могутъ произноситься въ пѣснопѣніяхъ по желанію самихъ пѣснопѣвцевъ, т. е. по требованію размѣра, или съ удареніемъ или безъ ударенія.

Иногда союзы, требующіе сослагательного наклоненія, напримѣръ *ἄν*, *ἐάν*, союзъ цѣли *ἴνα*, пѣснопѣвцами употребляются съ различными временами изъявительного наклоненія.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду вышеизложенія отступленія отъ одного изъ основныхъ законовъ греческихъ средневѣковыхъ размѣровъ, можно въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ наблюдать одинаковое съ ирмосомъ чередованіе удареній.

Это явленіе имѣть силу не только въ произведеніяхъ, написанныхъ тоническимъ размѣромъ, или, по выраженію Феодора Продрома *δέχα μέτροι*, но и въ метрическихъ канонахъ. Разительнымъ примѣромъ этого можетъ служить извѣстный ямбический канонъ Иоанна Дамаскина на Рождество Христово; здѣсь ударенія стиховъ ирмоса буквально повторяются въ соответствующихъ стихахъ тропарей. Для примѣра приведемъ ирмось и следующій за нимъ тропарь первой пѣсни канона³⁾.

1) Stevenson. p. 512—513.

2) Напр. *Odyss.* IV, 442: *φωκάων ἀλιοτρεφέων ὀλοώτατος ὁδμῆ*. *Thucydides*. III, 101: *ταῦτη γὰρ δυσεσβολώτατος ή Λοχρίς*; III 89: *βιαιότερον τὴν ἐπίκλισιν*; V, 110: *ἀπορώτερος ή λῆψις*.

3) *Christ et Par. Anthologia*. p. 205. Конечно, при сравненіи нужно имѣть въ виду все перечисленные выше правила и отступленія.

Ирмосъ.

Тропарь.

"Εσωσε λαὸν Θαυματουργῶν δεσπό- "Ηνεγκε γαστὴρ ἡγιασμένη λόγον,
της
γρόβν θαλάσσης χῦμα χερσώτας Σαφῶς ἀφλέκτῳ ζωγραφουμένη
πάλαι βάτῳ,
Ἐκῶν δὲ τεχθεὶς ἐκ κόρης, τρίβον Μιγέντα μορφῇ τῇ βρεστησίᾳ θεόν,
βατήν
Πόλου τίθησιν ἡμῖν, ὃν κατ' οὐσίαν Εἴας τάλαιναν νηδὸν ἀρᾶς τῆς πά-
λαι
Ἴσον τε πατρὶ καὶ βροτοῖς δοξάζο- Λύοντα πικρᾶς, ὃν βροτοὶ δοξάζο-
μεν.

Здесь мы привели только ирмосъ и одинъ тропарь первой пѣсни; но то же явленіе замѣчается во всемъ канонѣ.

Послѣ этого трудно отрицать такое послѣдовательное повтореніе удареній въ пѣснопѣніяхъ греческой церкви. Между тѣмъ ученый Кристъ возстаетъ противъ этого положенія и говоритъ, что совпаденіе удареній бываетъ отнюдь не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ слогахъ¹⁾). Для доказательства онъ обращается къ музыкальнымъ нотамъ, которыя во многихъ рукописяхъ указываютъ мелодію ирмоса. Но выведенное изъ разсмотрѣнія этого нового матеріала заключеніе Криста относительно того, что не всѣ ударенія стиха имѣютъ одинаковую силу, не можетъ считаться доказаннымъ, такъ какъ самыя музыкальныя ноты того времени, на основаніи которыхъ ученый дѣлаетъ свои выводы, еще не достаточно изучены для того, чтобы на основаніи ихъ можно было строить какія-либо теоріи. Кроме того, развѣ вышеприведенная схолія Феодосія Александрійскаго уже не даетъ для составленія пѣснопѣній точныхъ и опредѣленныхъ указаній?

Такимъ образомъ одинаковое съ ирмосомъ чередованіе удареній является первымъ изъ двухъ основныхъ законовъ ритмической церковно-греческой поэзіи.

Вторымъ основнымъ закономъ ритмической поэзіи является правило, чтобы число словъ въ тропаряхъ было одинаково съ числомъ словъ въ ихъ ирмосѣ. Но иногда замѣчается увеличеніе или уменьшеніе числа словъ въ извѣстномъ стихѣ тропаря сравнительно съ соответствующимъ стихомъ ирмоса. Оказывается, что это явленіе можетъ быть только въ началѣ и въ концѣ стиха и съ тѣмъ только условиемъ, чтобы этимъ не нарушилось правиль-

1) Christ et Par. Proleg. p. LXXX sq.

ное чередование ударений. Действительно въ правильномъ текстѣ тропаря нельзя найти большаго или меньшаго числа слоговъ сравнительно съ ирмосомъ по весьма простой причинѣ: въ томъ и другомъ случаѣ бытъ-бы нарушенъ правильный рядъ ударений. Если-же въ извѣстномъ стихѣ есть лишній слогъ сравнительно съ соответствующимъ стихомъ ирмоса, то обыкновенно онъ служить дополненiemъ того слога, которого недостаетъ въ началѣ слѣдующаго стиха; наоборотъ, если стихъ на одинъ слогъ короче соответствующаго стиха ирмоса, то этотъ недостающій слогъ обыкновенно можно найти въ лишнемъ слогѣ слѣдующаго стиха. По правиламъ размѣра церковныхъ пѣснопѣній тропарь, взятый въ цѣломъ, долженъ соответствовать по числу слоговъ своему ирмосу. Но чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ этомъ равномъ числѣ слоговъ тропаря съ ирмосомъ, нужно не всегда ихъ сравнивать стихъ за стихомъ. Это средство справедливо для определенія ударенія; но для числа слоговъ иногда нужно сравнить тропарь весь цѣликомъ съ первою строфою, т. е. съ его ирмосомъ.

Иногда однако, особенно въ канонахъ, въ началѣ и концѣ стиха бываетъ однимъ слогомъ болѣе, чѣмъ въ первой строфи; при чѣмъ послѣдующій или предыдущій слогъ имѣеть должное число слоговъ. Въ канонѣ Козмы на Возвіженіе Креста, во второмъ стихѣ четвертой строфи первой пѣсни, *τοῦ σταυροῦ τὸ τρόπαιον* послѣднее слово *τρόπαιον*, очевидно, имѣеть лишній слогъ, такъ какъ послѣдующій стихъ полонъ, а остальные соответствующіе ему стихи въ первой, второй и третьей строфѣ этой пѣсни канона все имѣютъ по шести слоговъ¹⁾. Такое же явленіе повторяется четыре раза въ очень древнемъ гимнѣ неизвѣстнаго автора, изданномъ Питрою²⁾. Подобныхъ примѣровъ можно много найти среди произведеній греческихъ пѣснопѣвцевъ. Это можетъ служить доказательствомъ того, что пѣснопѣвцамъ было позволено оканчивать иногда стихъ безразлично дактилемъ, или трохеемъ, но съ однимъ условіемъ, чтобы этимъ не нарушился тоническій размѣръ.

Раньше мы сказали, что прибавка слога можетъ быть только въ концѣ стиха. Но въ одномъ извѣстномъ 'О ὑψωθεῖς ἐν τῷ σταυρῷ ἔκστιώς во всѣхъ изданіяхъ такой лишній слогъ встрѣчается въ серединѣ четвертаго стиха, чѣмъ нарушается мелодія; въ стихѣ εὐφράνον ἐν τῷ

1) Christ. Anthologia. p. 161.

2) Pitra. Anal. Sacra. I, p. 482—484. См. р. 685, гдѣ указаны эти четыре неправильныхъ стиха.

бываеет сою гармоническая послѣдовательность удареній нарушается интерполяціей слоговъ єв тѣ¹⁾).

Кромѣ всего этого, можно еще отмѣтить нѣсколько частностей въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ. У нихъ допускается зіяніе (*hiatus*); ализіей они пользуются лишь изрѣдка. Довольно часто въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ встрѣчаются сокращенія наиболѣе употребительныхъ словъ; такъ, вместо Θεός, σωτήρ, Христός, σταυρός, ἀνθρώπος они пишутъ довольно часто Θς, σηρ, Χς, στρς ἄνος; сложныя слова, какъ Θεοτόκος, Христофорός, даже у лучшихъ пѣснопѣвцевъ считаются иногда трехсложными²⁾.

Но можетъ возникнуть вопросъ, довольно-ли двухъ условій, ударенія и числа слоговъ, чтобы назвать произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ поэзіей. Можетъ быть, пѣсни канона со всѣми своими троицами, составленными на основаніи двухъ вышеизложенныхъ законовъ, могутъ представлять изъ себя прозаическое произведеніе? Но противъ такого возраженія можно привести много доказательствъ.

Діакритичкія точки, στιγμаі, какъ называютъ ихъ сколасты, встрѣчающіяся въ рукописяхъ и въ старинныхъ изданіяхъ літургическихъ книгъ, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга различныя части (χᾶλα) тропаря и которыя повторяются послѣдовательно во всѣхъ строфахъ съ одинаковыми промежутками, не могутъ имѣть иного значенія, какъ дѣленія на стихи.

Но кромѣ этого, въ церковныя греческія пѣснопѣнія входять также три элемента, которые еще болѣе даютъ возможность считать произведенія пѣснопѣвцевъ не прозаическими; это — акrostихъ, риэма и ирмось.

Акростихъ, явленіе очень обыкновенное въ церковной поэзіи, заключается въ томъ, что начальныя буквы строфъ или отдѣльныхъ стиховъ расположены намѣренно въ извѣстномъ порядкѣ³⁾. Самымъ раннимъ въ церковной поэзіи является акростихъ, представляющій изъ себя полный алфавитъ изъ 24 греческихъ буквъ. Пѣсня Παρθένου мученика Меѳодія (+312 г.) состоитъ изъ 24 строфъ, изъ которыхъ

1) Stevenson, p. 512.

2) Pitra. An. S. I. Proleg. p. XCI—XCI. cap. XV и XVI.

3) Объ акростихѣ см. Pitra. Hymnographie de l'église gr. p. 18—21, его-же An. S. I p. LXXV—LXXVIII; Stevenson. p. 525—531; Bouvy, p. 332—342; Kumbacher S. 336—339. Jacobi. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes. (Zeitschrift für Kirchengeschichte. V (1882) S. 194—195).

первая начинается буквою А, а последняя Ω; начальные буквы остальныхъ строфъ даются по порядку полный алфавитъ¹⁾). Такой-же акrostихъ представляетъ изъ себя большой акаистъ Сергія, патріарха VII вѣка²⁾. Въ діоди Іоанна Дамаскина на Благовѣщеніе, т. е. въ пѣснопѣніи, состоящемъ изъ двухъ пѣсенъ³⁾, гдѣ передается разговоръ Богоматери съ Архангеломъ Гавріломъ, первая пѣсня даетъ въ акrostихѣ полный греческій алфавитъ съ А до Ω; вторая-же обратно: въ ней первый стихъ начинается съ Ω, а последній, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ послѣднихъ, буквою А⁴⁾.

Но акростихъ не ограничивается однимъ алфавитомъ. Иногда въ акростихѣ является имя автора пѣснопѣнія или содержаніе послѣдняго, или, наконецъ, самостоятельные стихи. Акростихъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, бываетъ и въ обыкновенныхъ пѣснопѣніяхъ, и въ канонахъ. Акростихи въ обыкновенныхъ пѣснопѣніяхъ бываютъ проще, нежели въ канонахъ. Первые представляютъ изъ себя или короткую прозаическую замѣтку объ авторѣ, или о предметѣ пѣснопѣнія, напр.: *Toū tateinou 'Рѡмакуō ūμνος; Aίνος 'Рѡмакуō εἰς τὰ γενέθλια; Toū tateinou Στεφάνου* и др.

Акростихъ-же канона представляетъ изъ себя иногда нѣсколько стиховъ; напр., 130 стиховъ извѣстнаго ямбического канона Іоанна Дамаскина на Рождество Христово изъ своихъ начальныхъ буквъ даютъ слѣдующее четверостишие:

Εὐεπίης μελέεσσιν ἐφύμνια ταῦτα λιγαίνει
υἱα Θεοῦ, μερόπων εἴνεκα τιχτόμενον
ἐν χθονὶ καὶ λύοντα πολύστονα πῆματα χόσμου·
ἀλλ' ἄνα, φυτῆρος ρύεο τῶνδε πόνων⁵⁾.

Интересный примѣръ акrostиха даетъ канонъ Іоанна Евхантскаго, подражавшаго пѣснопѣвцу IX вѣка Іосифу, въ честь котораго онъ составилъ восемь каноновъ. Іосифъ имѣлъ привычку скрывать

1) Пѣсни см. у Christ. Anthol. p. 33—37.

2) Christ. Anthol. p. 140—147.

3) Эта діоди Іоанна Дамаскина сто лѣтъ спустя была дополнена пѣснопѣвцемъ св. Феофаномъ, который прибавилъ къ ней шесть первыхъ оды и сдѣлалъ этимъ полный канонъ. См. Stevenson. p. 525. Въ Антологіи Криста напечатанъ весь канонъ подъ именемъ Феофана, хотя онъ и дѣлаетъ оговорку, что послѣднія двѣ оды принадлежатъ Іоанну Монаху. p. 236—242.

4) Christ. Anthol. p. 240—242. Нѣкоторые другие примѣры подобнаго акrostиха съ А до Ω можно найти у Стивенсона, p. 526—528 и у Bouvy, p. 336—337.

5) Christ. Anthol. p. 205—209.

свое имя въ начальныхъ буквахъ девятой пѣсни канона. Стевенсонъ приводить неизданную девятую пѣснь одного изъ каноновъ Иоанна со слѣдующимъ акrostихомъ: акrostихъ первого тропаря даеть имя *Ιωάννου*, акrostихъ второго даеть одною буквою меньше — *ωαννου*, акrostихъ третьяго двумя буквами меньше — *αννου*, акrostихъ четвертаго тремя буквами меньше — *υνου* и т. д., такъ что седьмой послѣдній тропарь начинается одною буквою *Γ*¹⁾.

Обычай пѣснопѣвцевъ скрывать свои имена въ акrostихѣ, иногда не приводить даже начальныхъ буквъ имени, а довольствоваться смиреннымъ акrostихомъ въ родѣ *Τοῦ πτωχοῦ*, *τοῦ ἀσώτου*, *τοῦ τιφλόνοι*, какъ писалъ въ своихъ произведеніяхъ Феодоръ Студитъ, очень затемняетъ исторію пѣснопѣвцевъ. Сухія собственныя имена, получаляемыя изъ акrostиха, ничего не даютъ для свѣдѣній объ авторахъ; къ тому же такихъ именъ, какъ Феодоръ, Георгій, Иоаннъ, было много среди пѣснопѣвцевъ. Стоитъ просмотрѣть первый томъ *Analecta Sacra Pitri*, чтобы убѣдиться въ томъ, что авторы очень большого числа пѣснопѣній совершенно неизвѣстны.

Въ отношеніи поэтическаго размѣра церковныхъ пѣснопѣній акrostихъ можетъ замѣнить собою діакритическая точки, указывая на начало стиха; онъ можетъ принести пользу въ томъ случаѣ, если бы одинъ какой-нибудь стихъ выпалъ; неполный акrostихъ сейчасъ указываетъ на исчезнувшій стихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ акrostихъ, являясь вообще принадлежностью области поэзіи, еще разъ доказываетъ, что произведенія пѣснопѣвцевъ были произведенія поэтическія.

Риома тоже довольно часто встрѣчается въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ²⁾. Но въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, напримѣръ, у Мелодія († 312), Григорія Богослова († 389), мы ее не видимъ³⁾, между тѣмъ какъ въ IV вѣкѣ на Западѣ въ латинской церкви риома уже встрѣчается у Амвросія Медіоланскаго и у св. Августина. Однаково риомы нѣтъ въ произведеніяхъ Фотія, императора Льва Мудраго и въ средневѣковыхъ греческихъ политическихъ стихахъ; въ послѣдніхъ она появляется только въ XV вѣкѣ, какъ заимствованіе изъ романской поэзіи.

1) Stevenson, p. 528—530. Pitri въ Anal. S. I привелъ только первую строфу этой пѣсни; см. с. LXXVII—LXXVIII.

2) О риомѣ см. Stevenson, p. 531—537; Jacobи, S. 190—193; Bouvy, p. 325—332; Krumacher, S. 339—340.

3) Единичныя риомы изрѣдка встрѣчаются и у Григорія Богослова, но ихъ, кажется, можно объяснить случайностью. См. Jacobи, S. 192.

Но зато въ произведёніяхъ пѣснопѣвцевъ VI, VII, VIII и даже начала IX вѣковъ можно найти много примѣровъ риѳмованныхъ стиховъ. Прекрасныя произведенія Романа Сладкопѣвца могутъ дать не одинъ примѣръ риѳмы. Въ его поэтической рождественской пѣсни риѳмы слѣдуютъ черезъ стихъ.

‘Η παρθένος σύμερον
τὸν ὑπερούσιον τίκτει,
καὶ ἡ γῆ τὸ σπήλαιον
τῷ ἀπροστέφ προσάγει·
ἄγγελοι μετὰ ποιμένων
δοξολογοῦσι·
μάγοι δὲ μετὰ ἀστέρος
ὁδοιποροῦσι·
δὶ ήμᾶς γὰρ ἐγεννήθη
παιδίον νέον,
ὁ πρὸ αἰώνων Θεός¹⁾.

Еще болѣе осозательный примѣръ риѳмованныхъ стиховъ Романа можно привести изъ его пѣснопѣнія объ Иудѣ Предателѣ²⁾; для примѣра возьмемъ третью строфу.

Τίς ἀκούσας οὐκ ἐνάρκησε,
ἢ τίς θεωρήσας οὐκ ἐτρόμασε
τὸν Ἰησοῦν δόλῳ φιλούμενον,
τὸν Χριστὸν φθόνῳ πωλούμενον,
τὸν Θεὸν γνώμῃ χρατούμενον;
ποία γῆ ἦνεγκε τὸ τόλμημα;
ποία δὲ θάλασσα ὑπέμεινεν,
ὅρῶσα τὸ ἀνοσιούργημα;
πῶς οὐρανὸς ὑπέστη,
πῶς ὁ αἰθὴρ συνέστη,
πῶς δὲ ὁ κόσμος ἔστη,
συμφωνουμένου, πωλουμένου,
τότε προδιδομένου τοῦ χριτοῦ;
“Ιλεως, ἶλεως, ἶλεως γενοῦ ἡμῖν...

1) Pitra. Anal. S. I, p. 1. Stevenson, p. 532. Christ. Anth., p. 91.

2) Pitra. Anal. S. I, p. 92—100.

Какъ примѣръ риѳмованныхъ стиховъ VII вѣка можно привести отрывокъ изъ знаменитаго акаѳиста, приписываемаго патріарху Сергию, Тѣ *ὑπεριάχῳ στρατηγῷ*¹⁾; приведемъ вторую строфу, начиная съ возгласа *χαῖρε*.

<i>χαῖρε, δί' ἡς ἡ χαρὰ ἐκλάμψει·</i>	<i>χαῖρε, ὅτι βαστάζεις</i>
<i>χαῖρε, δί' ἡς ἡ ἀρὰ ἐκλείψει·</i>	<i>τὸν βαστάζοντα πάντα·</i>
<i>χαῖρε, τοῦ πεσόντος</i>	<i>χαῖρε, ἀστὴρ</i>
<i>'Αδάμη ἡ ἀνάχλησις·</i>	<i>ἐμφαίνων τὸν ἥλιον·</i>
<i>χαῖρε, τῶν δακρύων</i>	<i>χαῖρε, γαστὴρ</i>
<i>τῆς Εὐας ἡ λύτρωσις.</i>	<i>ἐνθέου σαρκώσεως·</i>
<i>χαῖρε, ὑψὸς δυσανάβατον</i>	<i>χαῖρε, δί' ἡς</i>
<i>ἀνθρωπίνοις λογισμοῖς·</i>	<i>νεουργεῖται ἡ κτίσις·</i>
<i>χαῖρε, βάθος δυσθεώρητον</i>	<i>χαῖρε, δί' ἡς</i>
<i>καὶ ἄγγέλων ὄρθαλμοῖς·</i>	<i>βρεφουργεῖται ὁ κτίστης·</i>
<i>χαῖρε, ὅτι ὑπάρχεις</i>	<i>χαῖρε, νύμφη ἀνύμφευτε.</i>
<i>βασιλέως καθέδρα·</i>	

Для VIII вѣка приведемъ примѣръ изъ пятой пѣсни канона Козьмы въ Великую Субботу²⁾; этотъ примѣръ интересенъ тѣмъ, что въ пятой пѣсни этого канона риѳмуются два первыя стиха каждого изъ четырехъ тропарей.

Два первыя стиха первого тропаря:

*συνεσχέθη,
ἀλλ' οὐ κατεσχέθη.*

Два первыя стиха второго тропаря:

*ἀνηρέθης,
ἀλλ' οὐ διηρέθης.*

Два первыя стиха третьяго тропаря:

*Βροτοκτόνον,
ἀλλ' οὐ θεοκτόνον.*

Два первыя стиха четвертаго тропаря:

*Βασιλεύει,
ἀλλ' οὐκ αἰωνίζει.*

1) Pitra. An. S. I, p. 250—262. Christ. Anthol., p. 140—147.

2) Christ. Anthol., p. 196—201.

Въ пѣснопѣніяхъ монахини Касії¹⁾, жившій, по всей вѣроятности, въ первой половинѣ IX вѣка, можно также найти примѣры риѳемъ; приведемъ начало ея самогласна (*ἰδιόμελον*)²⁾ на Рождество Христово³⁾.

Αὐγούστου μοναρχήσαντος ἐπὶ τῆς γῆς
ἡ πολυαρχία τῶν ἀνθρώπων ἐπαιύσατο·
καὶ σοῦ ἐνανθρωπήσαντος ἐκ τῆς ἀγνῆς
ἡ πολυθεῖα τῶν εἰδώλων κατήργηται.

Итакъ, риѳема встрѣчается довольно часто у пѣснопѣвцевъ съ VI по начало IX вѣка. Они риѳемуютъ слова съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, при чёмъ зозвучіе является лишь въ одной послѣдней буквѣ; такъ *πιστοί* риѳемуется съ *πιλλοί*, *στολή* со *στοργή*, *ὑψηλός* съ *ταπεινός*⁴⁾. Въ словахъ съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ или на третьемъ отъ конца пѣснопѣвцы риѳемуютъ иногда одинъ послѣдний слогъ, напримѣръ, *βαρβάρου* съ *βορβόρου*, *παύσασα* съ *ἀπαλλάττουσα*⁵⁾, а иногда риѳемуютъ всю часть слова до ударенія, напримѣръ, *νικητήρια* съ *εὐχαριστήρια*, *ἐμωράνθησαν* съ *ἐμαράνθησαν*, *φθορέα* со *σπορέα*⁶⁾. Иногда же соотвѣтствіе двухъ строкъ состоитъ только въ одинаковомъ удареніи; напримѣръ:

"Αγγελος πρωτοστάτης
σύρανθεν ἐπέμφθη"⁷⁾.

Наконецъ ирмось является главною мелодіею пѣснопѣній, будуть-ли они псалмы, каноны или отдельные строфы; ирмось управляетъ тропаремъ⁸⁾. И действительно, если мы сравнимъ ирмось и

1) *Κασία* или *Κασιανή*; а можетъ быть ее еще называли *Εἰκασία*. См. Christ. Anthol., p. XLVIII—XLIX.

2) Пѣснопѣнія, называемыя у насъ самогласны, по-гречески называются *αὐτόμελα* и *ἰδιόμελα*. *Αὐτόμελα* — пѣснопѣнія, имѣющія свой размѣръ и напѣвъ и сдѣлавшіяся образцами для подобныхъ имъ пѣсенъ; *ἰδιόμελα* — такие же автомелы, только не сдѣлавшіяся образцами для другихъ.

3) Christ. Anthol., p. 103.

4) Pitra. An. S. I, p. 257. Примѣры взяты изъ акаѳиста патр. Сергія. Pitra. An. S. I, p. 260—262.

5) Ibid., p. 255.

6) Ibid., p. 250, 258—259, 260.

7) Ibid., p. 250.

8) См. уже упомянутое выше опредѣленіе ирмоса Зонарой: 'Ο μὲν οὖν εἰριμὸς ἄρμονία τίς ἔστι μέλους προωρισμένη τε καὶ προεγνωσμένη..., πρὸς ἦν... τὰ τροπέρια ἀνα-

правильно составленный на основании этого ирмоса тропарь, то мы всегда найдемъ и одинаковое количество слоговъ, и одинаковое чередование ударений. Такимъ образомъ отъ ирмоса зависитъ въ тропарѣ мелодія, число слоговъ и ударение. Кроме того, ирмосъ помогаетъ намъ дѣлить тропари на стихи, хотя въ рукописяхъ послѣдовательно указываются діакритическими точками. «Мы спрашиваемъ, восклицаетъ Стевенсонъ, возможно ли было встрѣтить послѣдовательно въ восемнадцати тропаряхъ такія правильныя, рѣзкія особенности, если-бы эти тропари были простая проза? Прибавьте, что то же самое явленіе проходитъ черезъ 700 страницъ *Analecta*; еще болѣе, черезъ 20 томовъ греческой гимнографіи. Пожалуй, мы припишемъ случаю такое чудесное совпаденіе? Но тогда, пожалуй, можно разсматривать, какъ дѣло случая, и стихи *Иліады* и *Энеиды*¹⁾.

Собрание такихъ ирмосовъ-мелодій составляетъ книгу, извѣстную подъ названіемъ Ирмологій (*Ειρμολόγιον*). Свида не понималъ заглавія этой книги и въ своемъ словарѣ говоритъ про нее: *Ειρμολόγιον* βιβλίον τι. По указанію Guérin, автора книги «Description de l'île de Patmos», извѣстно, что рукопись ирмологія находится въ Патмосской библиотекѣ (Cod. 206). Въ нынѣшнемъ столѣтіи грекъ Ioannъ Лампадарій въ 1856 году издалъ эту книгу уже третьимъ изданіемъ²⁾. Но въ этой книгѣ, по крайней мѣрѣ, во второмъ ея изданіи, было-бы напрасно искать прекрасные ирмосы изданного Питрою Тропологія.

Въ книгѣ Лампадарія нужно было-бы прибавить, по крайней мѣрѣ, 400 или 500 пропущенныхъ имъ ирмосовъ. Собираниемъ матеріаловъ къ изданію по возможности полнаго ирмологія уже давно занимается не разъ упоминаемый нами августинецъ Bouuy³⁾.

Очень часто въ болѣе древнихъ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ до появленія канона въ концѣ тропарей встрѣчаются припѣвы (*ἐφύμιον*, *ἀκροτελεύτιον*, *ἀκρόστιχον*, *ὑπαχοή*⁴⁾, у Свиды *ἀνακλώμενον*). Эта часть тропаря, которую пѣть весь народъ, является, можетъ быть, зерномъ,

φέρεται... οἰονε: γὰρ ἀρχὴ τῶν τροπαρίων ἔστι καὶ κανόνων. Объ ирмосѣ: Pitra. An. S. I, p. LIV—LXVIII. Christ. Anthol., p. LX. Stevenson, p. 537—540. Jacobi, S. 183. Bouuy, p. 258 sq. Krumbacher, S. 334—335.

1) Stevenson, p. 539—540.

2) Christ. Prol., p. LXXII.

3) См. въ его книгѣ *Poètes et Mélodes* главу *Projet d'Hirmologe* (p. 342—348).

4) Позднѣе *ὑπαχοή* потеряло это свое первоначальное значеніе и стало означать собою торжественный тропарь, во время чтенія которого не дозволялось сидѣть. Pitra. An. S. I, p. LXXIV. См. арх. Веніамина. Новая Скрижаль. 14 изд. 1884, стр. 113.

изъ котораго выросла церковная пѣснь. Очень вѣроятно, что первоначально церковныя пѣсни были не что иное, какъ распространенная народная восклицанія. Припѣвы въ началѣ пѣль не одинъ человѣкъ, а весь слушавшій народъ, почему часто въ пѣснопѣніяхъ передъ прѣвомъ стоять глаголы *βοῶν*, *χράζειν*, *χραυγάζειν*, *ἄδειν* и др. Въ позднѣйшихъ канонахъ припѣвы встрѣчаются уже гораздо рѣже. Съ этими припѣвами можно сравнить громкія обращенія народа къ императорамъ во время ихъ офиціальныхъ выходовъ, въ циркѣ, на ипподромѣ¹⁾:

Здѣсь мы изложили главнѣйшія положенія, выставленныя Питрою въ совершенно новомъ для его времени вопросѣ о размѣрѣ церковныхъ пѣснопѣній. Это была совершенно новая, невѣдомая область для изученія. «Сколько ученыхъ и критиковъ, говорить одинъ изъ биографовъ Питры²⁾, упрекали церковь за то, что она будто бы не съумѣла сохранить правильъ античной поэзіи и допустила литературу снизойти до варварства! Питра же доказываетъ, что церковь въ данномъ случаѣ содѣйствовала той великой литературной революціи, которая поэзію просодическую смѣнила поэзіей силлабической, основанной на удареніи, написанной, можетъ быть, менѣе изысканнымъ слогомъ, но зато болѣе выразительнымъ и живымъ, — однимъ словомъ, болѣе народнымъ».

Интересенъ взглядъ самого Питры на то, почему силлабической размѣрѣ одержалъ верхъ въ церковной поэзіи. Около IX вѣка большая часть церковныхъ пѣсень была уже составлена. Во все время до IX вѣка ересь являлась величайшою опасностью для церковнаго міра. «Не разъ, говоритъ Питра, восточный міръ съ удивленіемъ чуть не видѣлъ себя аріаниномъ или несторіаниномъ, якобитомъ или иконоклѣстомъ». Но церковь могла побѣдоносно выйти изъ этой борьбы только послѣ послѣдней сильной ереси, — именно ереси иконоборческой. «Предположимъ, продолжаетъ Питра, что защитники вѣры собрались вмѣсть для совѣщанія относительно этого важнаго вопроса; они могли бы сказать: вотъ уже восемь вѣковъ, какъ новаторы размножаются, и вѣра народная колеблется. Прекратимъ эти новшества, опредѣлимъ эту вѣру общественными молитвами, но удалимъ изъ этой священной поэзіи неопределенные размѣры двусмысленной и измѣнчивой

1) *Pitra. An. S. I.*, p. LXXII—LXXV. *Krumbacher*, S. 335—336.

2) *Cabrol. Histoire du card. Pitra*, p. 266 = *Revue des facultés catholiques*. Février 1893, p. 344—345.

поэзіи древнихъ. Установимъ настолько строгія и точные границы, чтобы всѣ могли ихъ охранять, чтобы не было возможности ни прибавить, ни убавить хоть одного слога безъ того, чтобы этого не замѣтилъ даже самый послѣдній вѣрующій. Пусть не только форма, пѣніе, начальные буквы запечатлѣваются въ памяти, но пусть всѣ слоги будуть сосчитаны и опредѣлены. Если-бы мы должны были привести слова Божественного Писанія, то пусть всѣ его элементы остаются въ порядкѣ, угодномъ Богу; ни одна юта не должна быть перемѣщена». Съ помощью такихъ опредѣленныхъ и строгихъ законовъ, надѣялись воспрепятствовать внесенію въ церковную жизнь какихъ-либо еретическихъ раздоровъ. «Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ Питра, нужно замѣтить, что съ того момента, какъ гимнографія окончательно сформировалась, большія ереси или прекратились, или перестали быть популярными»¹⁾. Конечно, вышеприведенное разсужденіе почтенаго кардинала грѣшилъ нѣсколько односторонностью и субъективизмомъ и не можетъ быть принято, какъ дѣйствительное основаніе того, почему тоническій размѣръ установился²⁾.

IV.

Происхожденіе ритмической поэзіи.

Вопросъ о происхожденіи ритмической поэзіи принадлежитъ къ числу весьма темныхъ, до сихъ поръ еще неразъясненныхъ въ наукѣ вопросовъ. Ученые расходятся въ своихъ мнѣніяхъ и выставляютъ двѣ главныя гипотезы: одни выводятъ ритмическую поэзію изъ греческаго языка, такъ что считаютъ ее національнымъ греческимъ продуктомъ; другіе видятъ въ ней вліяніе семитическихъ народовъ, которые будто-бы передали ритмический строй своей церковной поэзіи церкви греческой.

1) Pitra. *Hymnographie de l'Eglise grecque*. p. 26. Cabrol. *Hist. du C. Pitra*. p. 265—267 = *Revue des facultés catholiques*. Février. 1893. p. 345—346. Ловягинъ въ Христ. Чтеціи. 1876 стр. 463—464.

2) Еще Кристъ замѣтилъ слабую сторону этого разсужденія Питры, сказавъ: *plane vero recta via Pitra aberravit, quod nimio ardore fidei catholicae defendendae inflammatus byzantinos melodos hac paris numeri syllabarum lege constituta cavisse dixit, ne verbis adjectis aut omissis sua placita interpolari et in contrarium partem detorqueri possent.* Christ. Anthol. p. LXXVI.

Относительно гипотезы о происхождении ритмической поэзии изъ греческаго языка ученые также придерживаются различныхъ мнѣній.

По мнѣнію однихъ, ритмическая, т. е. основанная на обычномъ удареніи словъ поэзія уже въ давнія времена существовала среди простого, необразованного греческаго народа параллельно съ просодической поэзіей, которая была достояніемъ высшихъ, образованныхъ классовъ общества. Этого мнѣнія, не подтверждаемаго никакими вѣсными доказательствами, придерживается, повидимому, Стевенсонъ. По его словамъ, удареніе всегда было душою народной поэзіи; оно одно дѣйствовало на массы и вызывало восклицанія и свистки амфитеатра; поэтому въ эпоху литературного упадка Греціи и Рима удареніе, игравшее такую важную роль въ ритмической поэзіи, не явилось чѣмъ-либо новымъ, неожиданнымъ; этотъ принципъ, всегда жившій въ народѣ, былъ только затерть аристократической просодіей классиковъ и теперь занялъ подобающее мѣсто, котораго онъ долгое время былъ лишенъ¹⁾). Но эти разсужденія, не подтвержденныя документальными данными, конечно, не могутъ имѣть силы даже приблизительной исторической истины, а потому тѣмъ менѣе могутъ служить къ разрѣшенію такого важнаго вопроса, какъ происхожденіе ритмической поэзіи. Другіе сторонники этой гипотезы приводятъ слѣдующее объясненіе. Когда различіе между долгими и краткими слогами мало-по-малу начало исчезать, и въ живомъ разговорномъ языкѣ преобладаніе получило удареніе словъ, тогда взамѣнъ прежней просодической поэзіи явилась само собой поэзія ритмическая. Но если допустить, что ритмическая поэзія заняла мѣсто поэзіи древней, просодической, то можно было бы ожидать, что вмѣсто долгихъ и краткихъ слоговъ появятся слоги съ болѣе сильнымъ и слабымъ удареніемъ, т. е. тогда на основаніи нового принципа ударенія стали-бы подражать древнимъ ямбическими, трохачическими и другими размѣрамъ. Но на самомъ дѣлѣ въ ритмической поэзіи нѣтъ и слѣда подражанія какому-либо размѣру просодической поэзіи. Дѣйствительное подражаніе классическимъ образцамъ можно видѣть въ политическихъ стихахъ; но послѣдніе появились тогда, когда ритмическая поэзія достигла уже полнаго своего расцвѣта²⁾). Такимъ образомъ и вторая гипотеза, противорѣча фак-

1) Stevenson. op. c. p. 520.

2) Meyer. Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rhythmischen Dichtung (Abhandlungen der philos.-philolog. Classe der königl. bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1884 (17) S. 371). Bouvy. p. 322. Krumbacher. S. 341—342.

тамъ, не можетъ считаться удовлетворительной. Къ выдающимся сторонникамъ этого мнѣнія принадлежитъ извѣстный ученый Кристъ¹⁾, а за нимъ уже Deutschmann²⁾ и грекъ Купиторисъ³⁾. Они, изучая произведенія византійской гимнографіи, выводятъ размѣры послѣдней изъ произведеній греческихъ лириковъ, Алкея, Пиндара и другихъ. Кавчинскій также утверждаетъ, что ритмическое стихосложеніе ясно можно вывести изъ классической поэзіи⁴⁾.

Такимъ образомъ гипотезы, выводящія ритмическую поэзію изъ греческаго языка, не могутъ считаться рѣшающими въ вопросѣ о ея происхожденіи.

Но уже со времени кардинала Питры за рѣшеніемъ этого вопроса ученые стали обращать свои взоры на Востокъ къ семитическимъ народамъ. Сначала ученые довольствовались общими предположеніями и указаніями; но позднѣе нашлись и такие, которые посвящали этому вопросу специальные труды. Выставили такое положеніе, что ритмическая церковная поэзія не есть оригинальное произведеніе эллинского духа; что семитические христіане, находясь ближе къ первоисточнику христіанства, чѣмъ греки и латиняне, передали послѣднимъ вмѣсть съ христіанствомъ и ритмическую форму поэзіи.

Уже самъ знаменитый Питра понималъ важность изученія для данного вопроса гимнографіи сирійцевъ, халдеевъ, армянъ, коптовъ, которые могли быть если не предшественниками византійскихъ пѣснопѣвцевъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе надежными храпителями древнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній. Далѣе Питра считалъ важнымъ изученіе библейской гимнографіи, пѣснопѣній древняго Израїля, откуда первые византійскіе пѣсполѣвцы могли дѣлать неоднократныя заимствованія⁵⁾. Важность изученія вышеназванныхъ семитическихъ размѣровъ признаетъ и Стевенсонъ⁶⁾.

Слова Питры не пропали даромъ.

Профессоръ Инсбрукскаго университета оріенталистъ Бикkel занялся изученіемъ библейско-еврейскихъ и сирійскихъ размѣровъ.

1) Christ. Anthol. p. 88—90, 95, 104.

2) Deutschmann. De poesis Graecorum rhythmicae usu et origine. Programm. Coblenz. 1889. p. 4, 29.

3) Kupitoris. Пер. той фундам. (Bull. de Corresp. Hellénique 1878 (II) p. 386).

4) M. Kawczyński. Essai comparatif sur l'origine et l'histoire des rythmes. Paris. 1889. p. 139.

5) Pitra. Hymnographie de l'Eglise Grecque. p. 38—34; его же Anal. Sacra. Prol. p. LIII.

6) Stevenson p. 540.

Относительно еврейской метрики онъ пришелъ къ тому результату, что она подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и греческая, т. е. основывается на числѣ слоговъ, а не на ихъ долготѣ и краткости, на равномѣрномъ чередованіи слоговъ съ удареніемъ со слогами безъ ударенія, на тожествѣ метрическаго и грамматического ударенія и на соединеніи нѣсколькихъ стиховъ въ равномѣрно повторяющіяся строфы¹⁾). Занимаясь произведеніями Ефрема Сиріна, Бикkelъ уже въ своемъ изданіи сирійскаго подлинника его сочиненій съ ихъ латинскимъ переводомъ во введеніи старался опредѣлить главнѣйшіе размѣры сирійской поэзіи²⁾.

Но особенно большое впечатлѣніе на ученыхъ произвело вышедшее въ 1884 году изслѣдованіе Мейера «Начало и происхожденіе латинской и греческой ритмической поэзіи»³⁾.

Исходя изъ того положенія, что, пока ученые искали началъ ритмической поэзіи въ греческомъ языкѣ, они не выходили изъ круга загадокъ и противорѣчій, Мейеръ дѣлаетъ предположеніе, что она является продуктомъ не собственной страны, а есть подражаніе поэзіи чужого народа. Такой народъ жилъ на Востокѣ; это были семитические христіане.

На основаніи произведеній Ефрема Сиріна Мейеръ дѣлаетъ заключеніе, что мелодіи греческихъ церковныхъ пѣснопѣній заимствованы первоначально отъ сирійцевъ. Главные элементы, изъ которыхъ состоитъ греческая ритмическая поэзія, можно найти у сирійцевъ.

1) Bickell. *Metrices Bibliae regulae exemplis illustratae*. Innsbruck. 1879. p. 3. См. Bouvy. p. 10. Бикkelъ приписываетъ свое открытие Питрѣ: rectam viam jam a. 1868 Pitra in libro Нуннографіе demonstraverat. (*Metr. Bibl.* p. 3). Смѣлый выводъ Биккеля подвергся, конечно, строгой критикѣ. См. напр. Schlottmann. *Zur semitischen Epigraphik*. (*Zeitsch. d. Morg. Ges.* B. XXXIII. 1879. S. 278—279. Ann. 2). Отвѣтъ ему Биккеля въ томъ же томѣ того же журнала стр. 701—706. Послѣ этого Бикkelъ новыми примѣрами подтверждалъ свою теорію. См. его *Die hebräische Metrik*. (*Zeit. d. Morg. Ges.* B. XXXIV. 1880. S. 557—563; B. XXXV. 1881. S. 415—422). Древнееврейской метрикой интересовались и въ русской ученой литературѣ. См. Олесницкій. Риѳмъ и метръ ветхозавѣтной поэзіи. (*Труды Киевской Духовной Акад.* 1872. III, стр. 242—294; 403—472; 501—592), где авторъ признаетъ въ еврейской поэзіи тональное стопосложеніе, но такое, въ которомъ ударяются не отдѣльные слоги, а цѣлыя слова (стр. 558—560).

2) Bickell. *Carmina Nisibena*. Lipsiae. 1866. О метрикѣ см. стр. 31—35. О сирійскихъ размѣбрахъ писали и раньше; см. напр. Zingerle. *Ueber das gemischte Metrum in syrischen Gedichten*. (*Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. VII 1850. S. 1—24; 185—196); см. еще *Zeitsch. d. Morg. Ges.* B. X S. 116—126.

3) Meyer. *Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rhythmischen Dichtung*. (Abh. der philos.-philolog. Classe der kön. bayer. Akad. der Wissenschaften. B. XVII. 1884. S. 267—450).

Сирійцы пріучили грековъ и латинянъ не обращать вниманія на долготу и краткость слововъ, изъ чего само собою вытекаетъ произношеніе по грамматическому ударенію слова, наоборотъ, обращать вниманіе на число слововъ, составлять строфы изъ извѣстнаго количества стиховъ и соединять первыя съ помощью акrostиха¹⁾; рифма также хорошо была извѣстна сирійцамъ. Такимъ образомъ вліяніе Ефрема Сирина сильно отражалось на церковныхъ произведеніяхъ грековъ и латинянъ; а построеніе строфъ въ его произведеніяхъ служило образцомъ для греческихъ пѣснопѣній.

Конечно, новое выставленное Мейеромъ положеніе о подражаніи греческой церковной ритмической поэзіи образцамъ семитическихъ народовъ не могло не вызвать многочисленныхъ возраженій.

Еще до появленія труда Мейера на основаніи прежнихъ изслѣдований восточныхъ размѣровъ противъ заимствованія съ Востока и въ пользу греческаго происхожденія ритмической поэзіи высказался учёный Якоби²⁾.

Древесъ въ своей рецензіи на книгу Мейера³⁾, занимаясь почти исключительно вопросомъ о латинскихъ пѣснопѣніяхъ, высказываетъ противъ семитического вліянія на Западъ. Размѣръ этихъ пѣснопѣній и рифма развились естественнымъ образомъ изъ римского народного стиха послѣднихъ временъ республики, который самъ явился результатомъ соединенія древне-латинского стиха съ греческимъ⁴⁾.

Ярымъ противникомъ теоріи Мейера является Кавчинскій, который, какъ мы упоминали выше, выводить ритмический размѣръ изъ классического языка⁵⁾. Сирійская версификація останется всегда темнымъ вопросомъ. «Худой методъ, говорить Кавчинскій, желать объяснить вещь темную съ помощью другой еще болѣе темной». Мало того, на основаніи одного отрывка изъ византійского писателя XIV вѣка Никифора Каллиста Ксанѳопула Кавчинскій доказываетъ, что самъ знаменитый сирійскій пѣснопѣвецъ IV вѣка Ефремъ полагалъ въ основаніе своихъ пѣснопѣній черезъ посредство предшество-

1) Meyer. S. 877.

2) Jacob. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes. (Zeitsch. für Kirchengeschichte. B. V. 1882. S. 196).

3) Dreves. Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1886. S. 284—293.

4) Dreves. S. 293. См. также небольшую рецензію на книгу Мейера въ Deutsche Litteraturzeitung. 1885. B. VI. S. 894—896, где авторъ рецензіи высказываетъ мнѣніе аналогичное съ мнѣніемъ Древеса.

5) Kawczyński. Essai comparatif. См. особенно стр. 138—141.

вавшихъ ему сирійскихъ же поэтовъ-еретиковъ III столѣтія размѣръ, правда измѣненный, но подражавшій лирическимъ греческимъ размѣрамъ.

Такимъ же противникомъ Мейера является сторонникъ классического происхожденія ритмической поэзіи Deutschmann¹⁾.

Противъ ея заимствованія изъ чужой страны можно привести тотъ фактъ, что греческая ритмическая поэзія имѣть довольно длинную исторію свою развитія, переходя отъ болѣе слабыхъ, болѣе простыхъ образцовъ къ болѣе искуснымъ и сложнымъ. Если-бы вся ритмическая система была плодомъ простого заимствованія, то можно было бы ожидать сразу уже вполнѣ готовыхъ, сформировавшихся произведеній, подобно тому какъ было въ римской литературѣ, куда перешли греческіе готовые образцы. Противорѣчить также гипотезѣ заимствованія очень значительная разница между произведеніями греческой и латинской церковной поэзіи, чего, вѣроятно, не было-бы, если бы та и другая брали готовые образцы съ христіанскаго Востока. Можетъ быть, первоначальный и истинный источникъ происхожденія ритмической поэзіи нужно видѣть въ той ритмической прозѣ, которая встречается у языческихъ свѣтскихъ авторовъ, еще болѣе у семидесяти толковниковъ и у христіанскихъ писателей. Знакомства такой прозы съ античной лирикой могло быть достаточно, чтобы привести къ ритмической поэзіи; знакомство же съ сирійско-еврейскимъ церковнымъ пѣніемъ могло содѣйствовать ускоренію этого перехода и повліять извѣстнымъ образомъ на направление этой поэзіи. Когда въ живомъ языкѣ исчезла разница между долготою и краткостью слоговъ, то само собой и поэзія должна была искать себѣ новую форму, которая и явилась въ видѣ ритмической прозы; послѣдняя же, получивъ дальнѣйшее развитіе, возвысилась до ритмической поэзіи²⁾. Проза, по выражению Буви, сдѣлалась поэзіей сама собою, и пѣснопѣвцы стали поэтами³⁾.

Изъ вышеизложеннаго видно, что мнѣніе Мейера о происхождѣніи греческой ритмической поэзіи изъ сирійской произвело большое впечатлѣніе на ученыхъ и вызвало дѣятельную полемику.

Какимъ же закономъ подчиняется сирійская метрика? Имѣть ли

1) Deutschmann. *De poesis Graecorum rhythmicae usu et origine*. 1889. p. 3—4, 28—25.

2) Krambacher. S. 343.

3) Bouy. *Poëtes et Mélodes*. p. 273.

она какіе-нибудь твердые, определенные законы, на основании сходства которыхъ съ законами греческой ритмической метрики можно было бы сдѣлать заключеніе о несомнѣнномъ заимствованіи послѣдней изъ первой¹⁾.

Начиная съ прошаго столѣтія и кончая послѣднимъ временемъ, ученые относительно сирійской метрики пришли къ слѣдующему результату, что главный ея законъ заключается въ простомъ счетѣ слоговъ въ стихѣ. Однако надо помнить, что это мнѣніе, правда, вышло отъ самихъ сирійцевъ, но въ то время, когда они уже давно потеряли свой языкъ. Но такъ какъ относительно числа слоговъ въ каждомъ отдельномъ стихѣ мнѣнія ученыхъ совершенно расходятся, то само собою разумѣется, что выставлять простой счетъ слоговъ въ видѣ основного принципа сирійской метрики совершенно недостаточно. Тогда попытались разрѣшить это затрудненіе, предположивъ въ сирійской поэзіи поэзію ритмическую, главный законъ которой, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать никакого различія между удареніями прозы и поэзіи. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи сирійскій языкъ представляетъ громадныя трудности: удареніе въ сирійскихъ словахъ въ точности неизвѣстно.

Одинъ изъ лучшыхъ современныхъ ориенталистовъ Нѣльдеке говоритъ²⁾: «объ удареніи сирійского языка во время его процвѣтанія мы ничего не знаемъ. Несторіане теперь дѣлаютъ довольно опредѣленное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Но это есть отнюдь не первоначальное произношеніе». Итакъ, изъ этого вытекаетъ лишь то, что нынѣшніе сирійцы дѣлаютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.

Но все-таки на основании изученія сирійскихъ поетическихъ произведеній, преимущественно Ефрема Сирина, относительно законовъ ударенія въ сирійскихъ словахъ, можно отмѣтить слѣдующія особенности.

I) Слова изъ двухъ и болѣе слоговъ, будуть ли эти слова произведены прямо отъ корня или съ помощью префиксовъ и суффиксовъ,

1) Grimme. Grundzüge der syrischen Betonungs- und Verslehre (*Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft*. B. 47 (1898) S. 276—308); его же *Der Strophenbau in den Gedichten Ephräms des Syrers. (Collectanea Friburgensia. Fasc. II 1899)*. Въ послѣднемъ сочиненіи можно найти многочисленные примѣры самыхъ разнообразныхъ схемъ въ строфахъ Ефрема Сирина (стр. 17—75).

2) Nöldeke. Kurzgefassste Syrische Grammatik. S. 38. Cp. Nestle. Syrische Grammatik. 2 Auflage. 1888 S. 16.

имѣть ударение на предпослѣднемъ слогѣ; многосложные иностранные слова также подчиняются этому закону.

II) Если за многосложнымъ словомъ слѣдуетъ односложное, то тамъ, гдѣ послѣднее слово должно рассматриваться, какъ энклитика, ударение переносится на послѣдній слогъ многосложного слова.

III) Если за многосложнымъ словомъ слѣдуютъ двѣ энклитики, то главное ударение падаетъ обыкновенно на первую изъ нихъ; но, кромѣ того, предпослѣдній слогъ многосложного слова также можетъ имѣть въ этомъ случаѣ въ стихѣ усиленіе голоса.

IV) Въ четырехсложномъ словѣ или болѣе усиленіе голоса можетъ быть на слогѣ четвертомъ отъ конца.

Итакъ, въ болѣе древнее время, еще до появленія дошедшихъ до насъ произведеній сирійской литературы, удареніе въ словахъ было на послѣднемъ слогѣ; въ историческое-же время сирійскаго языка удареніе обыкновенно падаетъ на предпослѣдній слогъ; но иногда удареніе попрежнему бываетъ и на послѣднемъ слогѣ, именно когда непосредственно за многосложнымъ словомъ слѣдуетъ тѣсно примыкающее къ нему по смыслу односложное, т. е. энклитика, о чёмъ мы уже упоминали выше.

Обыкновенно сирійскія поэтическія произведенія дѣлятся на два разряда: мемре и мадреше; по крайней мѣрѣ такъ ихъ дѣлить самъ Ефремъ Сиринъ. Слово мемре можно перевести черезъ стихотворное поученіе (проповѣдь, надгробная рѣчъ, элегія), а мадреше черезъ гимнъ (хвалебныя, дидактическія, полемическія стихотворенія). Основное различіе этихъ двухъ видовъ сирійскихъ поэтическихъ произведеній заключается въ ихъ передачѣ. Мемре предназначались для произношенія ихъ однимъ лицомъ; поэтому простота и ясность мыслей, отсутствіе длинныхъ periodovъ и различныхъ искусственныхъ украшений въ видѣ риѳмы и акrostиха составляютъ отличительные признаки этого рода поэтическихъ произведеній; само собою разумѣется, въ мемре неѣть и припѣва, такъ какъ при ихъ исполненіи хоръ отсутствовалъ. Мадреше-гимны предназначались для пѣнія хоромъ и обладали поэзіи гораздо болѣе сложной композиціей, чѣмъ мемре. Въ мадреше часто мѣнялся размѣръ; одна строфа писалась однимъ размѣромъ, другая другимъ. Отдельные строфы, состоя изъ двухъ до шести стиховъ, различались или по размѣру, или по своему содержанію, такъ какъ онѣ обыкновенно заключали въ себѣ какую-нибудь одну законченную мысль, а иногда, впрочемъ, и рядъ послѣднихъ. При-

пѣвъ являлся необходимою составною частью каждого сирійскаго гимна. Припѣвъ бываетъ или постоянный, или менѧющійся: первый состоять въ повтореніи одной и той же фразы въ концѣ каждой строфы,—второй же болѣе или менѣе менѧется.

Однимъ изъ частыкъ искусственныхъ украшеній сирійскихъ гимновъ является акrostихъ. Чаще всего онъ состоить изъ 22 буквъ сирійскаго алфавита, который можетъ идти и въ обратномъ порядкѣ. На ряду съ акrostихомъ этого рода въ произведеніяхъ Ефрема встрѣчается неизвѣстный до того времени именной акrostихъ. Двѣнадцать разъ въ произведеніяхъ Ефрема встречается акrostихъ съ его именемъ. Очень рѣдко встречается у Ефрема заглавный акrostихъ; такъ напр., въ одномъ его гимнѣ акrostихъ даетъ слово мадреше¹⁾. Риѳма также нерѣдко встречается въ произведеніяхъ Ефрема.

Но теорія Мейера не осталась безъ защитниковъ и продолжателей.

Въ самое послѣднее время Гrimme, занимаясь вопросомъ о связи между сирійскими и византійскими формами гимновъ, на основаніи весьма серьезного изученія сирійской метрики приходитъ къ любопытнымъ результатамъ. По его мнѣнію, даже Григорій Богословъ, современникъ Ефрема, въ своихъ двухъ написанныхъ не классическими размѣромъ произведеніяхъ, "Τυνος ἑσπερινός и Πρὸς παρθένον παρακετάχος, подражалъ формѣ мемре у Ефрема²⁾). Послѣ внимательного со- поставленія различныхъ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній съ сирійскими схемами Гrimme дѣлаетъ слѣдующее многозначительное заключеніе: «всѣ эти изслѣдованія должны только еще подтвердить тотъ результатъ, что византійская гимнологія должна рассматриваться, какъ дочь сирійской»³⁾.

Конечно, всѣ перечисленныя работы внесли большое оживленіе въ науку, дали сильный толчекъ изученію любопытнаго вопроса о происхожденіи греческихъ церковныхъ пѣснопѣній; но, къ сожалѣнію, труды эти не привели къ его разрѣшенію. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого вопроса при настоящемъ положеніи историко-филологической науки и не представляется возможнымъ.

Отсутствие прямыхъ, осознательныхъ доказательствъ о происхо-

1) Grimme. Collectanea Frib. II, s. 15.

2) Grimme. ibidem. S. 81. Мейеръ видѣлъ въ этихъ произведеніяхъ ритмический гекзаметръ (op. cit. S. 314—315).

3) Grimme. ibidem. S. 95.

жденіи ритмической поэзіи изъ греческаго языка, малая разработка, а потому и весьма недостаточное знакомство съ древне-еврейскими размѣрами,—наконецъ, многія темныя, еще до сихъ поръ невыясненныя стороны столь важной и интересной для нашего вопроса сирійской метрики,—все это позволяет считать этотъ вопросъ открытымъ и надѣяться, что, благодаря новымъ успѣхамъ исторической науки, ученые все болѣе и болѣе станутъ приближаться къ истинѣ и кончать свои труды полной разгадкой этого интереснаго, но запущеннаго вопроса.

А. Васильевъ.